

ISSN 2313-6936

Научный журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**1(11)
2017**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Серия «Юридические науки»

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-58743 от 28 июля 2014 г.

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Журнал является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс Каталога российской прессы «ПОЧТА РОССИИ» – 73656

© ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых», 2017

Технический редактор

С. В. Шумов

Автор перевода

Я. В. Зайчиков

Верстка оригинал-макета:

С. В. Шумов

*На 4-й полосе обложки
размещена фотография*

Е. Осиповой

*За точность
и добросовестность сведений,
изложенных в статьях,
ответственность
несут авторы*

*Адрес учредителя:
600000, г. Владимир,
ул. Горького, 87*

*Адрес редакции:
600005, г. Владимир,
ул. Студенческая, 8,
ауд. 203
Адрес электронной почты:
vestnikvlg.pravo@mail.ru
тел.: +7 (4922) 47-76-01*

Подписано в печать 29.03.2017

*Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 12,09
Тираж 1000 экз.
Заказ № 47/3*

*Отпечатано
в ООО «Издательство
"Шерлок-пресс"»
600001, г. Владимир,
ул. Студеная гора, 36а*

Редакционная коллегия серии

«Юридические науки»

<i>Р. Б. Головкин</i>	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
<i>М. В. Новиков</i>	кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
<i>С. Ж. Айдарбаев</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. М. Баранов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Богатырёв</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>А. А. Богустов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>И. Д. Борисова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Н. А. Власенко</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Груздев</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. В. Исаенкова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>А. В. Кудрявцев</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Л. В. Лазарева</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>С. С. Новиков</i>	доктор исторических наук, доцент
<i>И. И. Олейник</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>М. Н. Раджабов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Т. А. Ткачук</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. Д. Третьякова</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Я. В. Зайчиков</i>	ответственный секретарь

ISSN 2313-6936

Academic journal

BULLETIN

Published since 2014

**1(11)
2017**

OF VLADIMIR STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER ALEXANDER
AND NIKOLAY STOLETOVS

«Law science» edition

Founder Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs»

*The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communication July 28, 2014.*

ПИ № ФС 77-58743

*The journal is included in RSCI system (Russian Science Citation Index)
powered by elibrary.ru*

The journal is peer-reviewed scientific subscription publication

Subscription Index of Russian press Catalogue «Russian post» – 73656

© Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education «Vladimir
State University named after Alexander and
Nikolay Stoletovs», 2016.

Technical editor

S.V. Shumov

Translation:
Y.V. Zaychikov

Lead out of make-up page:
S.V. Shumov

The photo of E. Osipova
is on the 4th cover page

For the correctness
and work ethics
of the information stated
in the articles the authors
are responsible.

Founder address:
600000, Vladimir,
Gorkogo Str., 87

Editorial Office address:
600005, Vladimir,
Studencheskaya Str., 8, 203
e-mail:
vestnikvlgu.pravo@mail.ru
tel.: +7 (4922) 47-76-01

Signed for printing 29.03.2017

Format 60×84/8
Conventional printed sheet 12,09
Circulation 1000 copies
Order № 47/03

Printed by
OOO «Publishing company ”
Sherlok-press” »
600001, Vladimir,
Studionaya Gora Str., 36a

Editorial board

of «Law science» edition

- R.B. Golovkin** – Doctor of Law, professor
(Chief Editor)
- M.V. Novikov** – PhD (Law), associate professor
(Deputy Chief Editor)
- S.J. Aydarbaev** – Doctor of Law, professor
- V.M. Baranov** – Doctor of Law, professor
- V.V. Bogatyrev** – Doctor of Law, associate professor
- A. A. Bogustov** – PhD (Law), associate professor
- I.D. Borisova** – Doctor of Law, professor
- N.A. Vlasenko** – Doctor of Law, professor
- V.V. Gruzdev** – Doctor of Law, professor
- O.V. Isaenkova** – Doctor of Law, professor
- A.V. Kudryavcev** – Doctor of Law, associate professor
- L.V. Lazareva** – Doctor of Law, professor
- S.S. Novikov** – Doctor of History,
associate professor
- I.I. Oleynik** – Doctor of Law, professor
- M.N. Radzhabov** – PhD (Law), associate professor
- T.A. Tkachuk** – Doctor of Law, professor
- O.D. Tretjakova** – Doctor of Law, associate professor
- Y.V. Zaychikov** – Executive Secretary

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Головкин Роман Борисович <i>Теоретические аспекты гуманитарных и некоторых других юридических пауз</i>	7	Golovkin Roman B. <i>Theoretical Aspects of Humanitarian and Some Other Legal Pauses</i>
Зайцев Олег Александрович, Гриненко Александр Викторович <i>Выдающийся ученый и педагог: влияние творчества Александра Сергеевича Подшибякина на развитие современной юридической науки</i>	13	Zajcev Oleg A., Grinenko Aleksandr V. <i>Distinguished Scholar and Educator, Influenced by the Work of Alexander Podshibyakin on the Development of Modern Legal Science</i>
Ларина Ольга Григорьевна, Ларина Елена Анатольевна <i>Теоретико-правовые основы развития политической системы и гражданского общества: классификация научных подходов</i>	18	Larina Ol'ga G., Larina E. A. <i>Theoretical and Legal Foundations for the Development of the Political System and Civil Society: Classification of Scientific Approaches</i>
Макаренко Дмитрий Григорьевич <i>Стабильность правового порядка как основа общественного доверия</i>	26	Makarenko Dmitriij G. <i>The Stability of the Legal Order as the Basis of Public Trust</i>
Малышкин Александр Викторович <i>Некоторые аспекты сущности интегрированной юрисдикции</i>		Maly'shkin Aleksandr V. <i>Some Aspects of the Integrated Entity's Jurisdiction</i>
Петрин Иван Владимирович, Погодина Ирина Владимировна <i>Информатизация государственных органов власти и органов местного самоуправления: недостатки правового регулирования</i>	36	Petrin Ivan V., Pogodina Irina V. <i>Informatization of State Authorities and Local Self-government Bodies: Lack of Legal Regulation</i>
Неряхин Артём Игоревич <i>Аспекты исторического и сравнительного-правового анализа дознания в сокращенной форме</i>	41	Neryakhin Artem Igorevich <i>Aspects of Historical and Comparative Legal Analysis of Inquiry in a Reduced Form</i>
Шумова Кристина Александровна <i>Общественно-политические труды М. М. Сперанского как предпосылка возникновения медиации в России</i>	45	Shumova Kristina A. <i>Political Writings of M. M. Speransky as a Prerequisite for the Emergence of Mediation in Russia</i>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Сморчков Алексей Иванович <i>Уголовная ответственность несовершеннолетних: уголовно-правовой и уголовно- процессуальный аспекты</i>	49	Smorchkov Alexei I. <i>Criminal Liability of Minors: Criminal Law and Criminal Procedure Aspects</i>
Головинская Ирина Викторовна <i>Проблемы применения статьи 25.1 УПК РФ</i>	53	Golovinskaya Irina V. <i>Problems of Application of Article 25.1 the Code of Criminal Procedure Russian Federation</i>
Гриненко Александр Викторович <i>Функции учения о принципах уголовного процесса</i>	63	Grinenko Alexander <i>Functions of the Doctrine of the Principles of Criminal Procedure</i>
Гущин Сергей Владимирович <i>Домашний арест как мера уголовно-процессуального пресечения: вопросы становление в России</i>	71	Gushhin Sergej V. <i>Home Arrest as a Measure of Criminal Procedural Restraint: Questions of Becoming in Russia</i>
Дядькин Олег Николаевич <i>Некоторые проблемы административной ответственности несовершеннолетних</i>	75	Dyad'kin Oleg N. <i>Some Problems of the Administrative Responsibility of Minors</i>
Звонов Андрей Викторович <i>Процессы влияния субъективного фактора на систематизацию уголовных наказаний</i>	79	Zvonov Andreo V. <i>Problems of the Influence of the Subjective Factor on the Systematization of Criminal Punishments</i>
Колданов Максим Анатольевич, Гачава Мария Леонтьевна <i>Личность преступника, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 158 УК РФ</i>	83	Koldanov Maxim A., Gachava Maria L <i>Personality of the Criminal Who Committed a Socially Dangerous Act, Provided for by Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation</i>
Галиев Эльдар Нариманович <i>Исторические аспекты уголовной ответственности за детоубийство в России</i>	87	Galiev El'dar N., <i>Historical Aspects of Criminal Responsibility for Infanticide in Russia</i>
Пикина Татьяна Владимировна <i>Некоторые аспекты уголовно- правового статуса личности</i>	93	Pikina Tatyana V. <i>Some Aspects Criminal Legal Status of the Individual</i>
Шумов Пётр Владимирович <i>Институт злоупотребления правом в гражданском и арбитражном процессе</i>	98	Shumov Pyotr V. <i>The Institution of Abuse of Right in Civil and Arbitration Process</i>

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.5

Головкин Роман Борисович

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ПАУЗ

Аннотация. В статье исследуются сущность и теоретико-правовые свойства гуманитарных пауз, а также место гуманитарных пауз в системе юридических пауз и иных отрезков времени, имеющих правовые свойства и влекущих установление, изменение и прекращение правоотношений.

Ключевые слова: гуманитарная пауза, мораторий, отсрочка, перерыв, отпуск, приостановление, юридическая пауза.

Golovkin Roman B.

THEORETICAL ASPECTS OF HUMANITARIAN AND SOME OTHER LEGAL PAUSES

Abstract. This article examines the concept and legal characteristics of the humanitarian pause, from the point of view of its inclusion in the broader phenomenon of legal pause. Displays and analyses the concept of legal pause in General and explores the variety of this phenomenon.

Key words: humanitarian pause, moratorium, reprieve, break, vacation, suspension, legal pause.

Временные отрезки для развития общественных отношений и их юридического опосредования имеют существенное значение как для правовой науки в целом, так и для реализации правовых норм. Временные отрезки в правовых нормах отражаются по-разному. Среди новаций последнего времени выделяются временные перерывы в международном праве в виде так называемых гуманитарных пауз. Впервые гуманитарная пауза была объявлена Россией в сирийском городе Алеппо с 20 по 23 октября 2016 г. Данная пауза была объявлена с целью предоставления возможности местным жителям и разоружившимся боеви-

кам покинуть город¹. Представляется, что данный временной период, помимо гуманитарной, общечеловеческой направленности, обладает определенными юридическими свойствами. Прежде всего следует отметить, что гуманитарные паузы предполагают установление обязанности прекращения авиаударов ВКС России и Сирии. Кроме того, установление гуманитарной паузы направлено на обеспечение права беспрепятственного выхода из Алеппо местных жителей и разоружившихся боевиков по специально установленным «коридорам». Сама пауза объявлена приказом министра обороны

¹ URL: <http://tsargrad.tv/news/2016/10/26/minoborony-rf-potrebovalo-garantij-dlja-vozobnovlenija-gumanitarnyh-pauz-v-aleppo>. (дата обращения: 26.10.2016).

России¹. Тем не менее при всем позитиве гуманитарных пауз, их юридическая реализация несколько затруднена, так как существует некоторая терминологическая и понятийная неопределенность рассматриваемого явления, также четко не определены конкретные юридические свойства и последствия. Содержание данного понятия, как следует из средств массовой информации, трактуется как априори понимаемое явление всеми участниками данного правоотношения и «потребителями продукции» средств массовой информации. Между тем это иллюзия. Как отмечено выше, оценки гуманитарных пауз неоднозначны, сущность, правовая природа перспективы и последствия реализации (нереализации) гуманитарной паузы неочевидны. Считаем, что данное обстоятельство прежде всего связано с отсутствием наработанной юридической практики применения гуманитарных пауз, а в силу определенной новизны явления, имеется понятийная его неопределенность. Не случайно даже Министерство обороны Российской Федерации, в отдельных заявлениях трактует гуманитарную паузу в качестве моратория². Иными словами, при реализации гуманитарных пауз возникает вопрос о соотношении понятия данного явления с другими родственными явлениями, встречающимися в юридическом обороте, такими как: «мораторий», «отсрочка», «временное приостановление» и др.

Словарное значение паузы (от лат. *pausa* остановка, задержка, прекраще-

ние) выражается во временной приостановке, перерыве в какой-либо деятельности, например, краткий перерыв в речи, действии, работе и т. п.³. Иными словами пауза, применительно к социальным процессам – это временной «разрыв» в действиях, решениях и отношениях. В качестве юридического понятия в правовой науке и практике термин «пауза» употребляется крайне редко. В юридической науке этот термин употребляется, как правило, в контексте количественного описания некоторых правовых явлений, связанных с различными временными интервалами. Например, в Комментариях к Федеральному закону от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» говорится о тридцатидневной паузе между опубликованием и вступлением в силу правового акта⁴.

В некоторых юридических исследованиях паузы рассматриваются как институт цезуры (от лат. *caesura*), поскольку иногда отдельные элементы решения по существу уголовного дела отделены друг от друга временными интервалами – некими паузами⁵. В законодательстве отражаются и закрепляются паузы в некоторых видах деятельности, например, в санитарно-эпидемиологических правилах и

¹ Ильина Н. Россия бомбить пока не будет// Ведомости. 2016. 19 окт.

² URL: <http://news.tut.by/world/517434.html>. (дата обращения: 28.10.2016).

³ Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. М., 2006.

⁴ Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Голловко. М., 2016.

нормативах закрепляется явление физкультурной паузы¹.

Анализ использования термина «пауза» в юридических исследованиях и правовых актах в двух основных направлениях как перерыв (временной разрыв) в каких-либо юридически значимых действиях, либо как перерыв в формировании и действии самого права.

В отличие от паузы, мораторий – это достаточно проработанное в теории и практике правовое явление, характеризующее, с одной стороны, в гражданском праве отсрочку исполнения обязательств. С другой стороны, в международном праве мораторий – это договоренность государств об отсрочке или воздержании от каких-либо действий на определенный или неопределенный срок². На первый взгляд, словарно-юридическое значение явления, обозначаемого термином «мораторий», шире, нежели объем понятия «пауза», которая видится лишь частным случаем моратория. Однако не все так однозначно, как представляется на первый взгляд. Словарное значение моратория в различных словарях, в том числе и юридических³, практически идентично

трактуются как отсрочка в гражданском праве при исполнении обязательств, либо это воздержание от действий различных государств в международном праве. Тем не менее анализ действующего отечественного законодательства позволяет заключить, что понятие моратория несколько объемнее. Так, в уголовном праве установлен мораторий на смертную казнь⁴. В Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года устанавливается мораторий на принятие некоторых правовых актов⁵. В целом мораторий во внутреннем праве гражданско-правовой сферой не исчерпывается. В связи с данным обстоятельством считаем, что мораторий на смертную казнь и мораторий на принятие актов в названных примерах нельзя однозначно назвать отсрочкой. Дело в том, что в отношении, например, смертной казни ее мораторий означает, что к конкретным лицам она в настоящее время вообще не применяется (что равносильно для конкретных лиц ее отмене), а если рассматривать применение смертной казни в целом, то ее применение скорее «поставлено на паузу», нежели отсрочено. Та же ситуация, возникла и с принятием некоторых правовых актов. В данном случае мораторий, установленный Правительством Российской Федерации на принятие этих

¹ О введении в действие санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03 (вместе с СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03. 2.2.2. Гигиена труда, технологические процессы, сырье, материалы, оборудование, рабочий инструмент. 2.4. Гигиена детей и подростков. Гигиенические требования к персональным электронно-вычислительным машинам и организации работы. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы : постановление Глав. гос. санит. врача Рос. Федерации от 3 июня 2003 г. № 118 // Рос. газ. 2003. 21 июня.

² Колосов М.Е., Мельник Д.Ю. Энциклопедия юриста. URL: www.rulit.me/books/enciklopediya-yurist-download-free-288260.html.

³ В процессе исследования автором были проанализированы 12 словарей и справочников.

⁴ Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 2 февр. 1999 г. № 3-П / Рос. газ. 1999. 10 февр. Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 нояб. 2009 г. № 1344-О-Р // Там же. 2009. 27 нояб.

⁵ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (новая редакция) : утв. Правительством Рос. Федерации 14 мая 2015 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовая системы «КонсультантПлюс».

актов, означает не отсрочку, а перерыв, т. е. паузу в их принятии. Отсрочка, в соответствии семантической логикой русского языка и юридической техникой, больше была бы уместна и применима к исполнению уже действующих правовых актов в отношении конкретных случаев или конкретных лиц. Иными словами, мораторий – не только и не столько отсрочка, сколько пауза в действующих правоотношениях.

Данный вывод уместен и в отношении, употребляемой в законе собственно отсрочки. В справочной литературе отсрочка трактуется как перенос на более поздний срок чего-либо (например, отсрочка платежа), либо продление действия какого-либо документа¹. Анализ законодательства показывает, что термин «отсрочка» широко применяется в федеральных, региональных и муниципальных правовых актах² различной отраслевой принадлежности. Например, отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ); отсрочка исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ); отсрочка отбывания наказания осужденным (ст. 177 УИК РФ); отсрочка по уплате страховых взносов, пеней и штрафов (ст. 18.3 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования»³); отсрочка таможенных пошлин (Федеральный

закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации»⁴); отсрочка пенсий (Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»)⁵ и др. С учетом приведенных вариантов закрепления отсрочки в действующем законодательстве можно заключить, что фактически и в правовом регулировании, и в тех или иных действиях, определенных субъектов правоотношений «объявляется перерыв», т.е. юридическая пауза.

Как видно из приведенных умозаключений и анализа законодательства, мораторий и отсрочка в юриспруденции и юрисдикции могут рассматриваться как паузы. К юридическим паузам можно отнести и временные перерывы, которые терминологически также отражены в законодательстве. Здесь можно отметить перерывы в работе, выходные и нерабочие праздничные дни, отпуска (гл. 18, 19 ТК РФ), или перерывы в течении срока исковой давности (ст. 203 ГК РФ), перерывы в судебных заседаниях (ст. 163 АПК РФ) и др. В сущности понятие перерыва по объему во многом совпадает с понятием паузы. В словарях перерыв рассматривается как время, на которое прекращается какое-то действие, событие (которое потом начинается опять)⁶, т. е. пауза.

Представляется, что к юридическим паузам, наряду с мораториями, отсрочками и собственно перерывами, можно отнести еще ряд правовых явлений,

¹ Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М., 1997.

² На основании данных справочно-правовой системы «КосультантПлюс» данный термин упоминается в более чем ста правовых актов различной юридической силы.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 30, ст. 3738.

⁴ Рос. газ. 2010. 29 нояб.

⁵ Там же. 2012. 9 мая.

⁶ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003.

терминологически отличающихся, но в смысловом значении отражающих в той или иной форме юридически значимую паузу (перерыв) в чем-либо или какой-либо деятельности. Например, срок для примирения супругов¹ или временное прекращение водоснабжения и т. д.

Таким образом, гуманитарные и другие отрезки времени, с которыми правовое регулирование в той или иной форме связывает перерывы в движении правоотношений, можно характеризовать в качестве юридических пауз.

Следует отметить и тот факт, что юридические паузы формально уже отражены в законодательстве и правовой науке. По смыслу применения термина «пауза» в действующем законодательстве и юридической практике он ближе всего к понятию «перерыв». Перерывы в законодательстве и юридической практике используются достаточно давно и приобрели устойчивый ограниченный смысл, например, «обеденный перерыв», «перерыв в судебном заседании» и т. д., поэтому считаем, что для обобщающего термина более уместен термин «юридическая пауза». Унификация временных разрывов, имеющих юридическое значение, в теоретическом плане позволит систематизировать, обобщить и вывести наиболее общие закономерности возникновения, развития, функционирования и прекращения явлений, которые можно обозначить

родовым понятием «юридическая пауза». В практическом плане введение комплексного родового понятия «юридическая пауза» в правовой оборот позволит повысить эффективность правового регулирования в части, касающейся временных отрезков, имеющих правовое значение.

Следовательно, гуманитарная пауза может считаться разновидностью юридической паузы, так как имеет юридическое регулятивное значение, выступает в виде юридического факта, поскольку устанавливает и изменяет правоотношения в рамках военного конфликта. Следуя логике, примененной при организации гуманитарной паузы в Сирии, можно сконструировать и другие виды юридических пауз, такие как международная пауза, военная пауза, экономическая пауза и т. д.

В качестве существенных свойств юридической паузы можно выделить следующие явления: наличие временного разрыва; описание и закрепление этого разрыва в правовых нормах либо индивидуальных правовых актах. Содержание юридической паузы – это разрыв в формировании и действии самого права или в правоотношениях, возможность дискретного регулирования тех или иных правоотношений, дискретность формирования и действия права. В качестве признака целесообразно упомянуть и то обстоятельство, что юридическая пауза есть юридический факт, с которым законодательство связывает установление, изменение и прекращение правоотношений; направленность юридической паузы на оптимизацию, гармонизацию и в конечном итоге на совершенствование правового регулирования.

¹ Инструкция по ведению судебной статистики : утв. приказом Судеб. департамента при Верхов. Суде Рос. Федерации от 29 дек. 2007 г. № 169. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографический список

1. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – М. : Ин-т новой экономики, 1997. – 469 с.
2. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М. : Эксмо, 2006. – 944 с.
3. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 1578 с.
4. Энциклопедия юриста. – Режим доступа: www.rulit.me/books/enciklopediya-yurista-download-free-288260.html.

References

1. Big Economic Dictionary. Ed. by A. N. Azriliyan. M., Institut Novoj E'konomiki, 1997. 469 p.
2. Kry'sin L. P. Dictionary of Foreign Words. M., E'ksmo, 2006. 944 p.
3. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ed. by D. V. Dmitriev. M., Astrel', AST, 2003. 1578 p.
4. Encyclopedia of the Lawyer. URL: www.rulit.me/books/enciklopediya-yurista-download-free-288260.html.

**Зайцев Олег Александрович,
Гриненко Александр Викторович**

**ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ:
ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПОДШИБЯКИНА
НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ**

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию творческого наследия выдающегося российского ученого – криминалиста и процессуалиста А. С. Подшибякина. Раскрыты основные этапы его научного пути, перечислены достижения известного ученого.*

***Ключевые слова:** юриспруденция, юридическая наука, криминалистика, уголовный процесс, международное уголовное право, международная юстиция.*

**Zajcev Oleg A.,
Grinenko Aleksandr V.**

**DISTINGUISHED SCHOLAR AND EDUCATOR, INFLUENCED
BY THE WORK OF ALEXANDER PODSHIBYAKIN ON THE DEVELOPMENT
OF MODERN LEGAL SCIENCE**

***Abstract.** The article is devoted to the study of the creative heritage of the outstanding Russian scientist - criminalist and proceduralist A. S. Podshibiakin. The main stages of his scientific path are revealed, the achievements of the famous scientist are listed.*

***Key words:** jurisprudence, legal science, criminology, criminal process, international criminal law, international justice.*

Современный период отечественной юридической науки, особенно так называемого криминального цикла, характеризуется значительной мобильностью. На это повлияло множество факторов: принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации, ратификация Россией многих документов международно-правового уровня, принятие и последующая модернизация нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства, внедрение в науку и практику достижений современной техники и др. Эти и многие другие аспекты юридической науки находились в сфере научных интересов А. С. Подшибякина во все периоды его научной и педагогической деятельности.

Еще в 1968 г. А. С. Подшибякин участвовал в научно-практической студенческой конференции в Харьковском юридическом институте, где выделился глубиной своего доклада, посвященного психологическим особенностям тактики допроса обвиняемого. Хотя выступавший и получил персональную рекомендацию поступать сразу же по окончании вуза в аспирантуру, по совету руководителя его дипломной работы известного криминалиста В. В. Степанова в конце 60-х гг. XX в. молодой выпускник Саратовского юридического института по распределению поехал работать следователем РОВД Железнодорожного района г. Ульяновска. Однако интерес к науке не только не пропал, наоборот, он значительно

окреп, что и привело А. С. Подшибякина на преподавательскую стезю.

В ноябре 1970 г. Александр Сергеевич стал самым молодым преподавателем Саратовского юридического института, поступив работать на кафедру криминалистики. Именно тогда он заинтересовался вопросами криминалистического исследования холодного оружия. В 1971 г. научно-координационный совет по криминалистике (тогда он действовал при Генеральной прокуратуре СССР) утвердил ему тему кандидатской диссертации. Практически без отрыва от работы в 1974 г. Александр Сергеевич завершил диссертацию, и кафедра рекомендовала ее к защите. По совету В. В. Степанова, его научного руководителя, в ноябре 1975 г. Александр Сергеевич поехал в МГУ, где кафедрой криминалистики руководил Александр Николаевич Васильев, а заместителем был Николай Павлович Яблоков. Там 13 февраля 1976 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Теория и практика криминалистического исследования холодного оружия (уголовно-правовые и криминалистические аспекты)». В 1974 г. за учебное пособие «Вопросы криминалистического исследования холодного оружия» Александру Сергеевичу было присвоено звание лауреата IV Всесоюзного конкурса работ молодых ученых. Несколько лет он продолжал заниматься этой тематикой, но уже тогда его интересовали и другие направления, результатом чего стали новые работы Александра Сергеевича: «Допрос как разновидность общения», «Классификация вопросов при допросе» и др.

После ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. Александр Сергеевич в 1980 г. был призван как офицер

запаса на службу в КГБ СССР и направлен в г. Ташкент. Он и в это непростое время продолжил заниматься наукой. Предметом его научных исследований стали различные аспекты обеспечения государственной безопасности. Более чем на 10 лет со страниц юридической печати исчезла его фамилия, хотя и появлялись отдельные старые статьи, в частности, по тактике допроса, обыска, написанные до призыва.

После распада СССР Александр Сергеевич перевелся на службу в г. Москву, где был назначен на должность начальника кафедры криминалистики Высшей школы (впоследствии – Академии) ФСК – ФСБ России. С его приходом сотрудники кафедры стали принимать более активное участие в открытых конференциях, проводимых учебными заведениями МВД и Министерства образования Российской Федерации.

Сам Александр Сергеевич быстро восстановил связи с представителями криминалистической науки и в первую очередь с Рафаилом Самуиловичем Белкиным. Характеризуя в «Истории отечественной криминалистики», в главе «Многополюсный кафедральный мир» это время и кафедру, Рафаил Самуилович Белкин писал об Александре Сергеевиче Подшибякине: «Это – представитель уже следующей генерации: он родился в 1946 г. Как ученый формировался в среде саратовских криминалистов. В 1976 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Теория и практика криминалистического исследования холодного оружия (уголовно-правовой и криминалистический аспекты)» и впоследствии остался верен этой проблематике: ей посвящена и его докторская диссертация. Правда, он не замыкается в кругу этих тем, у него

есть работы и по криминалистическому прогнозированию, и по тактике допроса, обыска, и по вопросам криминалистического обеспечения ОРД, и др. Мне представляется, что в его лице кафедра приобрела умелого и инициативного руководителя, пытливого исследователя и опытного организатора»¹.

Примерно в это время Александр Сергеевич прошел обучение и получил удостоверение эксперта-полиграфолога. Появились совместные работы по полиграфу с доктором юридических наук Ю. И. Холодным.

В 2000 г. Александр Сергеевич уволился с военной службы и перешел на профессорскую должность в МГИМО (университет) МИД России. В 2002 г. он стал инициатором создания в МГИМО кафедры уголовного права, уголовно-процесса и криминалистики и с первых дней стал ее заведующим. На этом посту он работал более 10 лет, и лишь тяжелая болезнь вынудила его перейти на должность профессора.

С переходом в гражданский вуз Александр Сергеевич активизировал свою научную деятельность. Не забывая он и проблемы криминалистического учения о холодном оружии. Еще в предисловии, написанном Р. С. Белкиным к первому изданию монографии «Холодное оружие. Криминалистическое учение», была отмечена ее практическая направленность, указано, что «не всякая научная работа способна одновременно служить и методическим пособием для практических работников органов расследования, суда и экспертов»². Следует

отметить, что данная работа выдержала несколько изданий.

Александр Сергеевич не заикливался на одной проблематике. Став в конце 1990-х гг. помощником депутата Государственной Думы Российской Федерации, он создал новую концепцию Федерального закона «Об оружии», положив в ее основу нормы международного права. Однако, к сожалению, концепция так и не стала законом.

В начале 2000 г. Александр Сергеевич был включен в комиссию по разработке проекта Федерального закона «О проведении опросов с использованием полиграфа» Комитета по безопасности Государственной Думы Российской Федерации. Вместе с ведущим экспертом по проекту доктором юридических наук Ю. И. Холодным (по докторской диссертации которого Александр Сергеевич выступал научным консультантом) они подготовили и опубликовали несколько научных статей, но проект закона после проведения первого чтения и одобрения в целом следующим составом Государственной Думы не рассматривался.

В 2010 г. увидела свет книга «Правовое и криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности». Научная общественность с интересом обратила внимание на то, что Александр Сергеевич занимался не только проблемами криминалистики, уголовного права и уголовного процесса. В ней были опубликованы его научные изыскания в области теории государства и права, обеспечения государственной безопасности, международного уголовного права.

Под руководством Александра Сергеевича были подготовлены более 20 диссертационных исследований, в том числе 4 докторских диссертации (М. Ш. Мах-

¹ Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999.

² Белкин Р. С. Предисловие // Подшибякин А. С. Холодное оружие. Криминалистическое учение : монография. М., 1997. С. 7–10.

таев, Л. А. Рычкалова, Е. В. Смахтин, Ю. И. Холодный). В его списке научных работ более 200 наименований, среди которых соавторство в 11 учебниках, 4 курсах лекций, 10 учебных пособий по криминалистике, уголовному и международному уголовному праву, международной юстиции, теории государства и права, проблемам обеспечения государственной безопасности.

Указом Президента Российской Федерации Александру Сергеевичу Подшибякину было присвоено почетное звание «заслуженный деятель науки Российской Федерации» (от 31 января 2007 г. указ № 111)¹. Он награжден Грамотой Президиума Верховного Совета СССР и знаком «Воин-интернационалист», знаком «За службу в контрразведке» III степени, знаком «Отличник Министерства иностранных дел Российской Федерации». А. С. Подшибякин был награжден более 10 другими медалями (7 – государственными), многочисленными медалями и знаками различных министерств и ведомств.

Особо ценил Александр Сергеевич памятную серебряную медаль Рафаила Самуиловича Белкина, которой был награжден научной общественностью за заслуги в развитии криминалистики и судебной экспертизы.

Александр Сергеевич принимал активное участие в жизни научного сообщества. Долгие годы, вплоть до своей кончины 31 декабря 2016 г., был членом экспертного совета по праву ВАК России, экспертом Рособнадзора и президентом Российской Гильдии независимых экспертов в сфере оценки качества образования, членом комиссии по этике МИД России, чле-

ном Научно-консультативного совета Следственного комитета Российской Федерации, членом Президиума УМО по специальности «Судебная экспертиза», членом четырех диссертационных советов.

Александр Сергеевич подал идею и лично организовал научно-практический журнал «Международное уголовное право и международная юстиция», был бессменным его редактором, начиная с первого номера (2007 г.) и до юбилейного выпуска № 1 за 2017 г. Он также состоял в редакционных коллегиях и редакционных советах множества журналов юридического профиля, почитавших за честь пригласить столь известного ученого и отзывчивого человека.

Более 15 лет А. С. Подшибякин активно сотрудничал с Владимирским государственным гуманитарным университетом, который впоследствии был реорганизован путем присоединения к Владимирскому государственному университету им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (далее: ВлГУ). Кроме активной работы с аспирантами, он проводил аудиторные занятия, на которых, помимо студентов, присутствовали и многие заинтересованные преподаватели.

Много сил А. С. Подшибякиным было отдано консультированию руководства Юридического института ВлГУ с целью открытия диссертационного совета на его базе. В настоящее время, как известно, это принесло определенные позитивные результаты.

Александр Сергеевич был жизнерадостным, открытым для общения человеком. Многие преподаватели ВлГУ помнят его как интересного рассказчика, который перемежал сугубо научные вопросы иллюстрациями из собственной научной деятельности и жизнен-

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 6, ст.750.

ного опыта. Хотя не всегда это было явно заметно, но и такое общение принесло свои плоды для целой плеяды молодых владимирских ученых.

На работах А. С. Подшибякина и опыте, полученном при личном обще-

нии с ним, и в дальнейшем будет базироваться владимирская юридическая наука, особенно такие ее отрасли, как криминалистика, уголовный процесс и теория оперативно-розыскной деятельности.

Библиографический список

1. Белкин Р. С. История отечественной криминалистики / Р. С. Белкин. – М. : Норма, 1999. – 496 с.
2. Зайцев О. А. Творческое наследие Александра Сергеевича Подшибякина / О. А. Зайцев // Междунар. уголов. право и междунар. юстиция. – 2007. – № 2. – С. 5–6.
3. Подшибякин Александр Сергеевич. – Режим доступа: <http://az-libr.ru/Persons/000/SNames/as143/74e7b666.shtml>.

References

1. Belkin R. S. The history of domestic criminalistics. M., Norma, 1999. 496 p.
2. Zajcev O. A. The creative legacy of Alexander Podshibyakin. Mezhdunarodnoe Ugolovnoe Pravo i Mezhdunarodnaya Yusticiya. 2017. No. 2. P. 5–6.
3. Podshibyakin Alexandr Sergeevich. URL: <http://az-libr.ru/Persons/000/SNames/as143/74e7b666.shtml>.

Ларина Ольга Григорьевна,
Ларина Елена Анатольевна

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: КЛАССИФИКАЦИЯ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ¹

Аннотация. Проблема взаимодействия, взаимоотношения, взаимовлияния институтов гражданского общества и политической системы является очень дискуссионной, вызывающей массу трактовок и подходов. Для выяснения сущности и значения взаимодействия институтов гражданского общества и политической системы авторы предприняли попытку рассмотреть научно-методологические основы и исследовать многообразные подходы по данному вопросу.

Ключевые слова: политическая система, гражданское общество, государство, правовые отношения, общественный контроль.

Larina Ol'ga G.,
Larina Elena A.

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR THE DEVELOPMENT OF THE POLITICAL SYSTEM AND CIVIL SOCIETY: CLASSIFICATION OF SCIENTIFIC APPROACHES

Abstract: The Problem of interaction, relationship, interaction of institutes of civil society and the political system is very controversial, causing a lot of interpretations and approaches. To clarify the nature and significance of the interaction between civil society and the political system need to be considered scientifically-methodological bases and explore diverse approaches to this issue.

Key words: political system, civil society, government, legal relationships, public control.

Изучение политической системы современной России определяет необходимость исследования строения и категории данного института, особенно в настоящий период. Если в советское время существования государственности можно было констатировать, что политическая система общества наличествовала только в рамках «патерналистского» государства, то в современной России достаточно сложно однозначно разрешить проблему о

месте и роли гражданского общества в политической системе общества².

Распад Советского Союза вызвал необходимость создания новой политической системы российского общества. Приоритетным в постановлении данной задачи стало направление на внедрение и выработку демократических институтов. Достижение данной цели анализировалось ранее и сегодня рассматривается в нераздельной связи с построением гражданского общества. Замена политической систе-

© Ларина О. Г., Ларина Е. А., 2017

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации на 2017 г. (№ 29.8958.2017/БЧ).

² Яруллин И. И. Модернизация политической система российского общества: политико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 5.

мы, демократизация не могли никоим образом отразиться на динамике данного процесса. Более того, на наш взгляд, эволюция политической системы в России противоречиво воздействует на выработку институтов гражданского общества.

В целях аргументации данного тезисного рассуждения обратимся к проблеме соотношения категорий «гражданское общество» и «политическая система». Отрадно отметить высокий уровень вышедших публикаций. В своих исследованиях ученые по данной тематике стремились максимально полно и всесторонне изучить актуальные вопросы соотношения понятий «гражданское общество» и «политическая система», для чего ими использовалось значительное количество доктринальных источников и материалов.

В учебной литературе тематика гражданского общества является довольно разработанной, в том числе в юридическом смысле слова¹. Вследствие этого тезисно остановимся на понятии, признаках, структуре политической системы общества.

В числе признаков политической системы ученые выделяют следующие:

1) тесная связь с государственной властью, борьба за власть и ее осуществление;

2) выражение политических интересов различных классов, социальных слоев и групп;

3) наличие организованных форм выражения политических интересов;

4) урегулированность отношений между институтами политической системы, правовыми, политическими нормами и политическими традициями².

В правовой науке находит отражение и вопрос структуры политической системы. Ученые включают в нее политические отношения; политическое сознание и политическую культуру, политическую идеологию; политические и правовые нормы, а также политическую организацию³. Другими словами, политическая система представляет собой сложное многогранное явление, отображающее политическую жизнь общества.

Немалой дискуссионностью в науке государствоведения характеризуется вопрос соотношения гражданского общества и политической системы. Он решался и решается крайне неоднозначно. Согласно одной из точек зрения, ибо государство является главным элементом политической системы, следовательно, соотношение изучаемых понятий концентрируется в рамках

¹ Ахметова Д. И., Грандонян К. А. Политическая конкуренция и структура гражданского общества // Бизнес. Право. Образование. 2013. № 1. С. 273–276; Матузов Н. И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 83–93; Мордовец А. С. Человеческое измерение модернизации в России // Право и политика: теоретические и практические проблемы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. г. Рязань, 2 нояб. 2012 г. Рязань, 2013. С. 100–104; Становление гражданского общества в России. Правовой аспект / под ред. О. И. Цыбулевской. Саратов, 2000.

² Грандонян К. А. К вопросу о понятии гражданского общества как юридической категории // Вестн. ин-та законодательства Респ. Казахстан. 2012. № 4. С. 15–20.

³ Богатырев В. В. Политическая система современного российского общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. С. 12.

взаимоотношений государства и гражданского общества¹.

Небесспорность заявленной позиции очевидна. Общепринятым является подход, согласно которому государство признается ведущим звеном политической системы², включающей в себя множество составляющих. Именно поэтому не следует отождествлять понятия «государство» и «политическая система», подменять их при решении вопроса о соотношении гражданского общества и политической системы³.

Другая группа ученых-юристов, в числе которых профессор В. В. Лазарев, утверждают, что «соотношение гражданского общества и его политической системы – это соотношение содержания и формы»⁴. Данное доктринальное суждение отмечает профессор М. И. Байтин: «...Развитая политическая система является формой гражданского общества и включает государство как основной ее элемент»⁵. Другими словами, приведенные мнения по проблеме соотношения политической системы и гражданского общества сводятся к осуществлению исследования через содержание и форму.

Каким же способом влияет политическая система российского общества на формирование гражданского общества? Вероятнее всего, существу-

ет закономерность между эволюцией современной политической системы и динамикой институтов гражданского общества в России. Данная закономерность заключается в наличии общей тенденции к сочетанию демократических и авторитарных черт в политическом режиме современной России.

Остановимся подробнее на политико-правовых особенностях российской политической системы. Она формировалась на фоне глобальных социальных трансформаций, проходивших в обществе с разрушением советской модели управления и определением демократических воззрений. Отсутствовала необходимая, достаточная политико-правовая база функционирования гражданского общества.

Известно, что политическая система российского общества устанавливается Конституцией Российской Федерации 1993 г. В ней содержатся положения, характеризующие наше государство как демократическое. Тем не менее, по мнению отдельных ученых, например Н. А. Баранова, политическая система нашей страны во многом не соответствует общеустановленным критериям демократии существенные из которых – репрезентативность власти, ее ответственность перед обществом, наличие эффективного общественного контроля за властью. Формирование политической системы связывается со слабостью государства и незрелостью гражданского общества. В ее рамках сосуществуют демократические и недемократические методы реализации власти, что позволяет говорить об амбивалентности современного политического режима⁶.

⁶ Баранов Н. А. Политический режим современной России // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Т. 8, № 35. С. 55.

¹ Кожеевникова Ю. С. Право в политической системе современного российского общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. С. 7.

² Гражданское общество и политическая система. URL: http://Kazbook.narod.ru/Tgp/leg_tgp10.htm (дата обращения 07.09.2013).

³ Абдуллаев М. И., Комаров С. А. Проблемы теории государства и права. М., 2003. 345 с.

⁴ Байтин М. И. О понятии государства // Правоведение. 2002. № 3(242). С. 10.

⁵ Там же. С. 5.

Данную точку зрения поддерживает и один из реформаторов перестроечной волны академик А. Н. Яковлев¹. В начале 1990-х гг. доминирующей тенденцией было движение страны в течении представительной демократии, что формулировалось в значительно высокой политической инициативности граждан, формировании легальной оппозиции, децентрализации власти, становлении системы выборов. Тем не менее к середине 1990-х гг. начала наблюдаться противоположная тенденция. Демократизация общественной жизни приобрела неоднозначный характер.

Ученый А. С. Мадатов обоснованно утверждает, что до настоящего времени существуют элементы хрупкой демократии и мощные авторитарные тенденции. С одной стороны, сохраняются демократические конституционные нормы, функционирует механизм альтернативных выборов на многопартийной основе (хотя нередко он носит чисто формальный характер), с другой стороны, программные установки современного российского централизма состоят из эклектического синтеза идей умеренного популизма и умеренного либерализма².

Примечательно, что и высшие государственные деятели не отвергают наличествующего положения дел. Так, в частности, Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев отмечает, что «...в Российской Федерации, вне всякого сомнения, есть демократия. Да, она молодая, незрелая,

несовершенная, неопытная, но это все-таки демократия. Мы в самом начале пути. И в этом плане нам есть над чем работать»³.

Обозначенные выше суждения вольно или невольно наводят на размышление о том, что начавшаяся в 90-е гг. XX в. смена политической системы, ее развитие и функционирование не только надлежащим образом не способствуют формированию гражданского общества в нашей стране, но и являются ключом противодействия этим процессам. Сказанное подтверждается фактами политико-правового характера. В числе их, например, слабость многопартийной системы, а также слабый уровень контроля за деятельностью государственной власти.

В жизни гражданского общества партии играют ключевую роль. Следует отметить, что многопартийность составляет основу устойчивости политической системы современного общества, обеспечивает функционирование механизма смены и рекрутации политических элит, плюрализм взглядов и представительство многообразных справедливых интересов.

В юридической науке отмечается, что главную связующую и объединяющую роль во взаимоотношениях гражданского общества (как неполитической сферой) и государства (как политической сферой) призваны сыграть политические партии⁴. Формулируя многообразные потребности и легальные интересы гражданского общества

¹ Яковлев А. Н. Реформация в России // Обществ. науки и современность. 2005. № 2. С. 8.

² Мадатов А. С. Проблемы периодизации современного политического процесса в России после 1985 года // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия «Политология». 2006. № 1. С. 59.

³ Медведев Д. А. Пять стандартов демократии // Рос. газ. 2010. 15 окт.

⁴ Великая Н. М., Голосева Л. А. Роль институтов гражданского общества в общественном диалоге в современной России // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. 2009. № 2. – С. 5–13.

в политической форме, партии тем самым реализуют право гражданского общества на развитие государственной власти, участие в ее осуществлении.

Действующая система многопартийности еще не служит легитимным средством идейно-политической консолидации общества. В должной степени партии не являются посредниками между обществом и властью. «Пока для населения роль и значимость партий невелика. Рейтинги доверия к политическим партиям традиционно очень низки. Более трети (35 %) наших сограждан считают, что без парламента вполне можно было бы обойтись. При этом общество, граждане не осознают и не рассматривают деятельность партий как полезную и нужную обществу. И это – показатель реальной ситуации в стране»¹.

В связи с этим доцент Е. Г. Лукьянова справедливо подчеркивает, что политические партии, являясь пограничным институтом между обществом и государством, подорвали доверие к себе бессилием в решении не только общественных проблем, но и своей собственной судьбы².

В этом контексте весьма показательной является зависимость развития гражданской инициативы и гражданского общества от той или иной партийной системы. Политические партии являются институтами, представляющими в политической системе общества те или иные интересы групп и социальных слоев. Основной функцией партий является защита

интересов гражданского общества³. В идеале классическая политическая партия стремится к завоеванию или же участию во власти именно для реализации интересов соответствующих слоев общества, т. е. власть для них не является самоцелью. Таким образом, именно целеполагание делает политические партии структурами гражданского общества⁴.

Сегодняшнее положение политических партий отличается наличием противоречий и проблем. Во-первых, повсеместно в обществе прослеживается падение влияния авторитета партий на массы. Во-вторых, главным образом поменялись направления работы многих партий: на первое место вышли трудности борьбы за избирателей, парламентской работы. Забастовки, стачки и другие формы классовой борьбы отошли на второй план. В-третьих, идет активный поиск способов повышения производительности своей политики: главное внимание уделяется борьбе за средства массовой информации, компьютерные системы. В-четвертых, происходит облегчение организационных структур, наблюдается стремление создать гибкие, мобильные системы управления⁵.

Однако в числе наиболее важных явлений последних лет следует называть повсеместное распространение многопартийности. Даже сегодня если политические партии часто рассматриваются как «необходимое зло», они

¹ Лукьянова Е. Г. Глобализация и правовая система (основные направления развития). М., 2006. С. 42–46.

² Там же. С. 99.

³ Гудков Д. Партийная система и гражданское общество // Обозреватель. 2011. № 8. С. 6.

⁴ Там же.

⁵ Вилков А. А. Введение пропорциональной избирательной системы и перспективы становления гражданского общества в современной России // Изв. Саратов. ун-та. 2005. Т. 5. С. 316.

по-прежнему играют важную роль в правительстве и государстве. В широком смысле политические партии играют роль фильтров между социумом и государством, решая, какие требования пропустить через свои ячейки¹.

В чем же состоят причины указанных особенностей? Видимо, российский менталитет и политическая культура не допускают формирования реальной многопартийной системы и поддерживают тенденцию к возникновению системы, в рамках которой имеется одна сильная партия-лидер и несколько вспомогательных. Ученый А. А. Вилков полагает, что при целенаправленном формировании партийной системы можно упростить систему государственного управления, но вряд ли это будет способствовать укреплению основ гражданского общества в современной России². Иными словами, современные политические партии России – это не всегда сильные и эффективные институты гражданского общества. Влияние многих из них на власть весьма ограничено.

Не менее сложной справедливо следует считать проблему отсутствия должного контроля со стороны формирующегося гражданского общества за государственной властью. Закрытость государственной власти от народа, закрытость тотальная, порождающая коррупцию и злоупотребления, – существенное препятствие на пути формирования гражданского общества в России. При этом надо отметить, что гражданское общество, в принципе, постигается как сложившаяся социальная общность, членов которой объединяют корпоративные интересы (не противоречащие,

но и не совпадающие с государственными интересами), реализуемые при помощи внутренних ресурсов³.

Несомненно, что положительные преобразования в Российской Федерации начала XXI столетия ни в коей мере не лишают остроты доктринального постижения государственной власти, так как между степенью теоретического осмысления проблемы наблюдается взаимосвязь государственной власти, государства, действенностью его функционирования⁴, гражданского общества и политической системы. Бесспорно, данные обстоятельства, на наш взгляд, придают немаловажную теоретическую и практическую значимость необходимости изучения взаимодействия этих проблем.

Попутно заметим, что целесообразным представляется создание надлежащих условий, при которых гражданское общество и государственная власть будут существовать в сбалансированном правовом, общесоциальном формате, тем самым оказывая конструктивное, стимулирующее воздействие на государственно-правовое развитие политической системы страны.

Усиление и оптимизация общественного контроля за деятельностью государственной власти объективно необходимы. Однако, сегодня уровень и качество такого контроля, как и в 1990-е гг., не внушают особого оптимиз-

³ Ларина О. Г., Киреева А. И. Гражданское общество и парадигма государственного строительства, или двадцать лет спустя // Ценности и нормы правовой культуры : сб. науч. ст. Междунар. круглого стола, посвящ. дню рождения И. А. Ильина, рус. философа и юриста. Курск, 2011. С. 317.

⁴ Макаренко Н. В. Государственная власть: понятие и признаки // Бизнес в законе. 2007. № 2. С. 29–34.

¹ Вилков А. А. Указ. соч. С. 316.

² Там же.

ма. Мы разделяем точку зрения ученого Б. И. Зеленко, который справедливо подчеркивал следующее обстоятельство: «Важная особенность нынешнего периода заключается в том, что в России возникла парадоксальная ситуация, которая определяется противоречием между слабостью государства и гипертрофией государственного аппарата, фактически неподконтрольного обществу и парламенту»¹.

Потребность в контроле со стороны населения за государственной властью не вызывает сомнений. Он является одним из механизмов ее совершенствования, повышения качества в интересах каждого человека: «Без действенной государственной власти не будет ни прав человека, ни гражданского общества. Этот урок очевиден»².

Б. И. Зеленко и другие ученые, солидарные с ним, были правы в том, что общественный контроль складывается в нашей стране очень медленными темпами и реальным, к сожалению, его назвать нельзя. В современных условиях существенно важно консолидироваться вокруг такого приоритета, как взаимодействие гражданского общества и политической системы общества, поскольку от степени реализации данного взаимоотношения во многом зависят социальное устройство, благополучие населения, состояние правовой организации общественной жизни.

Наличие проблем развития демократии и, соответственно, становления

¹ *Зеленко Б. И.* Политические партии и гражданское общество в Российской Федерации (некоторые политико-правовые аспекты) // Право и политика. 2003. № 3. С. 57.

² *Холмс С.* Чему Россия учит нас теперь? Как слабость государства угрожает свободе // Pro et Contra. Гражданское общество. 1997. Т. 2, № 4. С. 140.

гражданского общества подтверждают и данные статистических исследований. Так, неудовлетворенность жизнью в целом и тем, как работает демократия, в России заметно выше, чем в странах Запада, ее высказывают более 55 % опрошенных³, почти 60 % россиян полагают, что демократия в России терпит поражение⁴. Более 66 % населения считают, что в России не сложилась многопартийная система⁵. Наблюдается тенденция к увеличению числа респондентов, утверждающих, что людям у власти нет никакого дела до простых людей: 66 % – в 1994 г., 80 % – в 2005 г.⁶ Есть все основания говорить, что такая ситуация складывается и сегодня.

Таким образом, современные институты политической системы и развитие гражданского общества несомненно находятся в тесной взаимосвязи: конвергенция обеспечивает взаимные влияние и развитие, далеко не всегда прогрессивные и отвечающие интересам общества. Важнейшими направлениями в работе государства и всего общества должны стать усиление института общественного контроля, защита демократических ценностей, антикоррупционная политика, повышение правовой и политической культуры граждан.

³ Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 12.05.2015)

⁴ URL: http://www.lavada.ru/sites/default/files/levada_2008_rus.pdf (дата обращения: 12.05.2015).

⁵ <http://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie-obshhestvennoe-mnenie-2014/> (дата обращения 10.12.2014).

⁶ *Баранова Г. В.* Социально-политическая активность как фактор развития гражданского общества // Соврем. исслед. соц. проблем. 2015. № 11(55). С. 174–192.

Библиографический список

1. Ахметова Д. И. Политическая конкуренция и структура гражданского общества / Д. И. Ахметова, К. А. Грандонян // Бизнес. Право. Образование. – 2013. – № 1. – С. 273–276.
2. Баранова Г. В. Социально-политическая активность как фактор гражданского общества / Г. В. Баранова // Современ. исслед. соц. проблем. – 2015. – № 11(55). – С. 174–192.
3. Великая Н. М. Роль институтов гражданского общества в общественном диалоге в современной России / Н. М. Великая, Л. А. Голосева // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. – 2009. – № 2. – С. 5–13.
4. Макарейко Н. В. Государственная власть: понятие и признаки / Н. В. Макарейко // Бизнес в законе. – 2007. – № 2. – С. 29–34.

References

1. Akhmetova P. I., Grandonyan K. A. Political competition and the structure of civil society. *Biznes. Pravo. Obrazovanie*. 2013. No. 1. P. 273–276.
2. Baranova G. V. Socio-political activity as a factor of civil society. *Sovremenny'e Issledovaniya Social'ny'kh Problem*. 2015. No. 11(55). P. 174–192.
3. Velikaya N. M., Goloseva L. A. The role of civil society in public dialogue in Russia today. *Vestnik Rossijskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta*. 2009. No. 2. P. 5–13.
4. Makarejko N. V. State power: concept and signs. *Biznes v Zakone*. 2007. No. 2. P. 29–34.

Макаренко Дмитрий Григорьевич

**СТАБИЛЬНОСТЬ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА
КАК ОСНОВА ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ**

Аннотация. В статье автор приводит суждения и доводы, посредством которых можно заключить, что стабильность правовой жизни и эффективность социального регулирования базируются на доверии общества к различным институтам государства.

Ключевые слова: доверие, порядок, стабильность, социальное регулирование, общество.

Makarenko Dmitrij G.

**THE STABILITY OF THE LEGAL ORDER
AS THE BASIS OF PUBLIC TRUST**

Abstract. In the article the author quotes the opinions and arguments by means of which it is possible to conclude that the stability of the legal life and efficiency of social regulation based on the public trust to various state institutions.

Key words: trust, order, stability, social regulation, society.

Стабильность правового порядка и определенность правового регулирования существующей правовой системы представляет для практиков своего рода идеал. Можно говорить о наличии общественной потребности в стабильности, в том числе и в стабильности правовой жизни. Особенно остро эта потребность осознается в переходные периоды, в условиях разного рода социальных, экономических, политических и прочих катаклизмов. Показательным является тот факт, что понятия «стабильность», «стабилизация», «устойчивость», «устойчивое развитие» и т. п. весьма часто используются субъектами правотворчества и правоприменения как в текстах право-

вых актов, так и в их названиях¹.

В связи с этим важной теоретической проблемой представляется понимание критериев (показателей) стабильности порядка правовой жизни.

¹ См., напр.: О стабильности правовой системы Российской Федерации : постановление Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации от 10.04.1996 г. № 226-II ГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 16, ст. 1801 ; Об обеспечении устойчивого газо- и энерго-снабжения, финансируемых за счет средств федерального бюджета организаций, обеспечивающих безопасность государства : Постановление Правительства Рос. Федерации от 29 мая 2002 г. № 364 // Рос. газ. 2002. 19 июня ; Об обеспечении устойчивого развития районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей : постановление Госдумы Федер. Собр. Рос. Федерации от 28 июня 2000 г. № 504-III ГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 28, ст. 2999 ; О плане мероприятий по стабилизации межнациональных и межконфессиональных отношений в Южном федеральном округе : приказ Минобрнауки России от 15 апр. 2005 г. № 117 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ни, а также факторов, обуславливающих данное качество. Такое понимание, очевидно, могло бы выступать научной основой для проведения наиболее эффективной правовой политики.

Сегодня в рамках отечественного правоведения сформировались определенные представления о феномене стабильности применительно к отдельным элементам изучаемого объекта. В частности, имели место попытки разработать научную концепцию стабильности закона¹.

Поднимая проблему стабильности правопорядка, О. П. Сауляк отмечает, что стабильность правопорядка имеет два аспекта. Первый из них предполагает, что «в процессе общественного развития будет обеспечена возможность воспроизводства позитивных форм социального взаимодействия, включая реализацию субъективных прав и надлежащего исполнения юридических обязанностей всеми субъектами права, поставлен надежный заслон распространению негативных тенденций, угрожающих безопасности существования социума. Стабильность правопорядка во многом зависит от диссипативных возможностей социальной системы (государственно-организованного общества), которые определяют ее способность сопротивляться и противостоять воздействию негативных тенденций, рассеивая чуждое либо поглощая его в компоненты собственного содержания путем реструктурирования»².

¹ Концепция стабильности закона / [Н. В. Варламова и др.]. М., 2000.

² Сауляк О.П. Парадигма правопорядка: современное прочтение // Правоведение. 2006. № 3. С. 177.

Второй аспект стабильности правопорядка, по его мнению, «предполагает устойчивость юридических норм и основных направлений правовой политики государства», которые придают субъектам права уверенность в стабильности существующих правил игры.

В качестве критериев стабильности правовой системы В. В. Сорокин предлагает рассматривать, в частности, согласованность (цельность), полноту и завершенность ее структуры, правопорядок и законность, эффективность, легитимность, способность к воспроизводству отношений однородного типологического характера, долгосрочность существования³.

Вышеприведенные положения представляются весьма интересными и, безусловно, заслуживают внимания специалистов. Вместе с тем очевидно проблематичность их универсализации, распространения на более широкий класс явлений, системы более сложной организации.

В частности, несколько в ином свете понятие стабильности может быть рассмотрено в рамках научно-исследовательской программы, ядром которой выступает понятие «правовая жизнь». Основоположники концепции правовой жизни понимают ее как особую форму социальной жизни, включающую в себя комплекс всех юридических явлений как позитивного, так и негативного плана, выражающую преимущественно в правовых актах и правоотношениях и характеризующую специфику, и уровень правового развития общества, отношение субъектов к

³ Сорокин В.В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период. Екатеринбург, 2003. С. 65–113.

праву и степень удовлетворения их интересов¹.

Понятие о стабильности правовой жизни, очевидно, не может быть идентичным понятию о стабильности права, правовой системы или правопорядка. Правовая жизнь как сложная система социальной практики, урегулированная в той или иной степени правовыми нормами, по сути, не является сугубо правовым явлением. Она включает в себя весьма сложный и неоднородный массив общественных отношений, при оценке упорядоченности которых сложно воспользоваться многими из вышеупомянутых критериев.

Например, критерий возможности системы к воспроизводству позитивных форм социального взаимодействия, способности сопротивляться и противостоять воздействию негативных тенденций оказывается непригодным по отношению к анализируемому нами объекту, учитывая его принципиальную и неустранимую неоднородность по отношению к идеальному правовому порядку. Ведь в рамках правовой жизни позитивные с точки зрения требований норм права и негативные явления, процессы, формы практики и т. п. всегда сосуществуют, тесно переплетаются. Их соотношение, удельный вес, безусловно, может меняться.

Однако думается, что связывать состояние порядка в системе, при котором доминируют позитивные формы юридически значимой практики, с ее стабильностью было бы некорректно. С теоретической точки зрения это связано с тем, что в рамках правовой

жизни известная борьба позитивного и негативного начал имеет место постоянно, каждое из них стремится вытеснить или максимально сузить сферу противоположного.

Вместе с тем стабильность и нестабильность не могут быть связаны с какой бы то ни было теоретической схемой их соотношения. Во-первых, нестабильность есть признак любой системы правовой жизни. Во-вторых, тенденция к усилению дестабилизации свойственна и системам, где уровень правового порядка относительно высок, и системам с преобладающими антиправовыми формами практики. И те, и другие способны меняться и подчас весьма кардинально под воздействием дестабилизирующих факторов.

Сама практика опровергает ошибочность такого подхода и дает массу примеров того, как общества, где достигнут относительно высокий уровень правопорядка, тем не менее подвергаются весьма кардинальным трансформациям, в том числе и в части организации их правовых систем. Таким примером могут служить, в частности, существовавшие в недавнем прошлом правовые системы социалистических государств.

Вряд ли могут быть приняты в качестве критериев стабильности правовой жизни общества и такие показатели, как устойчивость юридических норм и основных направлений правовой политики государства, согласованность, завершенность структуры, эффективность и легитимность правовой системы, правопорядок и законность. Скорее всего их следует рассматривать как факторы, условия, предпосылки, создающие потенциальные возможности для

¹ Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5. С. 5–6; Михайлов А.Е. Указ. соч. С. 18.

сохранения стабильности порядка социальной практики, регулируемой правом.

Полагаем, что при формировании научной концепции стабильности правовой жизни прежде всего необходи-

мо ориентироваться на общенаучные представления о сути порядка в системе в целом, и понимания условий формирования общественного доверия, в частности.

Библиографический список

1. Концепция стабильности закона [Н. В. Варламова и др.] ; отв. ред. В. П. Казимирчук. – М. : Проспект, 2000. – 176 с.

2. Малько А. В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления / А. В. Малько // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 5–6.

3. Сауляк О. П. Парадигма правопорядка: современное прочтение / О. П. Сауляк // Правоведение. – 2006. – № 3. – С. 166–178.

4. Сорокин В. В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Сококин Виталий Викторович. – Екатеринбург, 2003. – 337 с.

References:

1. Varlamova N. V., Gavrilov O. A., Isakov V. A., Kazimirchuk V. P. et al. The Concept of Stability of the Law. Ed. by V. P. Kazimirchuk. M., Prospekt, 2000. 176 p.

2. Malko A. V. The Category of «legal life»: Problems of Formation. *Gosudarstvo I Pravo*. 2001. No. 5. P. 5–6.

3. Saulyak O. P. The Paradigm of the Rule of Law: a Modern Interpretation *Pravovedenie*. 2006. No. 3. P. 166–178.

4. Sorokin V. V. The Concept of Evolutionary Transformation of Legal Systems in transition. Ekaterinburg, 2003. 337 p.

Малышкин Александр Викторович

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СУЩНОСТИ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Аннотация. В статье дается понятие и анализируется сущность интегрированной юрисдикции через призму осуществления властных, исполнительно-распорядительных и управленческих полномочий различными публичными образованиями на основе комплекса социальных и внесоциальных регуляторов.

Ключевые слова: юрисдикция, компетенция, интегрирование, социальное регулирование.

Maly'shkin Aleksandr V.

SOME ASPECTS OF THE INTEGRATED ENTITY'S JURISDICTION

Abstract. The article explains the concept and analyses the essence of integrated jurisdiction through the prism of the exercise of power, Executive, administrative and managerial competencies of the different public entities on the basis of a complex social and unsocially regulators.

Key words: jurisdiction, competence, integration, social regulation.

Качество и эффективность правового регулирования определяется не только в объективно отраженных в законодательстве потребностях развития общества, но и создания предпосылок правового и внеправового характера для более точного осуществления юридических предписаний. Среди последних существенную роль играют политические, идеологические предпосылки, мероприятия организационного плана, которые придают процессу правового регулирования целенаправленный характер, тем самым обеспечивая необходимый уровень реализации права.

Бесспорным является тот факт, что реализация правовых предписаний участниками правоприменительной деятельности на всех ее уровнях не мыслима без властной функции компетентных органов государственной власти и иных публичных общественных институтов, действующих в рамках своей юрисдикции, тем самым созда-

вая условия для охраны правопорядка в обществе. Уяснение правовой основы института юрисдикции, его сущности и основных черт позволит социуму доброкачественно реализовывать общественно-правовые потребности.

Правовая категория «юрисдикция» до настоящего времени трактуется неоднозначно как в теории права, так и в правоприменительной деятельности.

Интересна этимология слова «юрисдикция» (от лат. *jurisdictio*). Обратим внимание на то, что оно образовано из слов *jus* – право и *dico* – говорю, что означает «правоговорение», которое было известно еще римскому праву в период монархии, а именно с 753 по 510 г. до н. э. Появление самого понятия «юрисдикция» связывают с полномочиями древнеримских магистров, в большей степени касавшимися организации судебного процесса, а именно определения правового основания спора между контрагентами. На наш взгляд, нельзя не согласиться с позицией тех авторов, которые считают, что

данное понятия произошло от других слов: *jus* и *dicere* как право разрешения конфликтов¹.

В теории права встречается множество формулировок данной категории, каждая из которых в той или иной степени отражает природу указанного института. Примером может служить позиция профессора С. С. Алексеева, который под юрисдикцией понимает деятельность органов, уполномоченных рассматривать юридические дела и выносить по ним юридически значимые решения².

Существует иное мнение, согласно которому юрисдикция – это «возможность со стороны суда, иного органа публичной власти оценивать действия лица или иного субъекта права с точки зрения их правомерности, применять к правонарушителям юридические санкции»³.

Рассматривая данный вопрос, нельзя не обратиться к процессуальной доктрине, выражающей собственные позиции относительно природы юрисдикции.

Так, наука гражданского процессуального права под термином «юрисдикция» понимает право, компетенцию или власть определенного государственного органа или должностного лица рассматривать и разрешать юридические дела⁴. Административисты в свою очередь утверждают, что под

данной категорией следует понимать способ осуществления правоприменительной деятельности.

Правовая доктрина содержит и иные интерпретации юрисдикции. Чаще всего в научной литературе можно встретить определения таких понятий, как «подсудность», «подведомственность» или «полномочия разрешать дела и применять санкции».

Ряд ученых полагают, что понятие «юрисдикция» обобщает такие явления, как компетенция органа (должностного лица), порядок деятельности, природа юрисдикционного органа, тем самым пытаясь данные понятия интегрировать.

Безусловно, каждая дефиниция, обозначающая выше, имеет свое правовое основание, и ее конечной целью является усовершенствование действующего правового порядка.

Вместе с тем на настоящий момент, принимая во внимание существующую неоднозначность в понимании содержания данного института, можно определить два основных значения юрисдикции: во-первых, это деятельность уполномоченных органов по осуществлению властных, распорядительных и иных управленческих функций; во-вторых, это определенного рода компетенция того или иного должностного лица или органа.

Примером может служить положения ст. 1127 Гражданского кодекса Российской Федерации, касающиеся удостоверения «главными врачами, их заместителями по медицинской части или дежурными врачами больниц, госпиталей и других медицинских организаций, а также начальниками госпиталей, директорами или главными врачами домов для престарелых и ин-

¹ Денисенко В.В., Позднышов А.Н., Михайлов А.А. Административная юстиция органов внутренних дел. М., 2002. С. 5.

² Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М., 1994. С. 148.

³ Административная юрисдикция : курс лекций / [В. В. Власенков и др.]. М., 1994. С. 148.

⁴ Борискова И.В. Юрисдикция и юрисдикционная деятельность // Территория науки. 2014. № 1. С. 127–133.

валидов завещания гражданина, находящегося на излечении в больницах, госпиталях, других медицинских организациях в стационарных условиях или проживающих в домах для престарелых и инвалидов».

Обозначенные выше факты свидетельствуют о сугубо правовом аспекте интегрирования полномочий, деятельности или компетенции субъектов правоприменения, особенно в юрисдикционной сфере (исполнительно-распорядительной, правоприменительной, правоохранительной, судебной и т. д.).

Как показывает практика, проблема разграничения юрисдикции в управленческой деятельности остается актуальной и по сей день¹. Правоприменитель, пытаясь реализовать предназначенные ему функции, сталкивается с ситуациями, подпадающими под юрисдикцию нескольких органов или целого комплекса социальных норм (обычаев, национальных традиций). В этом случае возникает необходимость обратиться к юрисдикционной деятельности, которая обладала бы свойствами целостности, объединенности, т. е. интегрированной юрисдикции.

Полагаем, что под *интегрированной юрисдикцией* как деятельностью понимается осуществление властных, исполнительно-распорядительных и

управленческих полномочий на основе таких интегрированных регуляторов поведения, как: нормы права, иные социальные регуляторы (нормы морали, религиозные каноны, правила обычаев, национальные традиции, общественное мнение, массовая информация, социальные стереотипы, социальные ожидания), а также внесоциальных регуляторов (природных, технических, творческих и иных регулирующих систем)².

Интегрированная юрисдикция относительно сферы компетенций понимается как полномочия того или иного органа или лица, включающая в свое содержание отдельные вопросы (элементы) полномочий другого органа или лица.

Возвращаясь к определению интегрированной юрисдикции как деятельности управомоченных лиц? еще раз акцентируем внимание на процессе корреляции правовых и неправовых социальных регуляторов, которые так или иначе оказывают существенное воздействие на эффективность правореализационной активности ее субъектов.

Как известно, в системе социального регулирования важнейшую роль играет правовое регулирование, которое с помощью целой системы правовых предписаний и других специально-юридических средств оказывает воздействие на поведение субъектов общественной жизни, имея главной целью их упорядочение и развитие. Российское законодательство содержит достаточное количество источников

¹ Бабелюк Е. Г. Проблемы разграничения деятельности по оказанию государственных услуг и контрольно-надзорной деятельности государства // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт). М., 2007. С. 47–54 ; Щепкин Д. Ю. Проблемы дальнейшего развития, соотношения и разграничения административной юрисдикции и правосудия в процессе разрешения административных дел // Юрид. зап. Воронеж. гос. ун-та. 2014. № 4(27). С. 66–75 и др.

² Малышкин А. В. Интегрированные судебные акты: общетеоретический анализ : монография / под общ. ред. Р. Б. Головкина. Владимир, 2012. С. 8–17.

права, каждый из которых пытается заполнить весь объем предполагаемой сферы регулирования. Чаще всего исполнимость закона обеспечивается силой государственного принуждения, некоего свойства, позволяющего перевести правовые предписания из сферы должного поведения в сферу сущего. Однако в практической деятельности органов власти, должностных лиц все больше появляется вопросов, на которые закон не может дать обоснованного ответа, отсылая правоприменителей к использованию иных социальных регуляторов, которые в свою очередь не все имеют нормативную определенность (обычай, традиции и пр.)¹. В данном случае правоприменитель вынужден обратиться к интегрированной деятельности (юрисдикции), позволяющей должным образом реализовать свойственную только ему функцию (исполнительно-распорядительную, правоприменительную, правоохранительную, судебную и т. д.).

Ярким примером приведенного выше факта может служить одна из частных правовых отраслей отечественного законодательства – семейное право. Данная область правового регулирования в своем арсенале имеет, помимо легальных, официальных источников российского права, неофициальные (судебная практика, обычаи), которые в настоящий момент все больше востребованы участниками правоприменительной деятельности.

Традиционно юридическая литература под источником семейного права понимает форму внешнего выражения и закрепления семейно-правовых

норм². В качестве легальных источников семейного права рассматривают Основной закон страны, семейное законодательство, законы, подзаконные акты, судебную практику и правовой обычай. При этом значение последнего является одной из нерешенных проблем как теории права, так и отраслевых наук³.

Обращаем внимание на тот факт, что современное семейное законодательство все же наделяет юридической силой правовой обычай при разрешении в судебном порядке вопроса о месте жительства ребенка с одним из родителей, находящихся в разводе. Чаще выносятся решения о проживании ребенка с матерью, хотя законом не установлено преимущественное проживание несовершеннолетнего ребенка с одним из родителей исходя из половой принадлежности, тем более, что ст. 19 Конституции Российской Федерации и ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации провозглашают равные права и свободы мужчины и женщины, равные возможности их реализации, равенство прав супругов в семье.

Правовые предписания, помимо истинно правовых норм, могут содержать и элементы иных общесоциальных «законов» (технические или природные нормы). Поясним. Например, Правила дорожного движения Российской Федерации, утвержденные постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными по-

¹ Малышкин А. В. Обычаи и традиции в судебной практике судов общей юрисдикции // Рос. судья. 2013. № 3. С. 6–10.

² Оршанский И. Г. Исследование по русскому праву обычному и брачному. Спб., 1879.

³ Александров Н. Г. Понятие источников права // Ученые тр. ВИЮН. М., 1946. Вып. VIII. С. 43–51.

ложениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»), устанавливая специальные предписания для движения в условиях недостаточной видимости, к которой относится видимость дороги менее 300 м в условиях тумана, дождя, снегопада и тому подобного, а также в сумерки¹.

Так, в условиях недостаточной видимости запрещается движение при негорящих (отсутствующих) фарах и задних габаритных огнях в темное время суток или в условиях недостаточной видимости, а также недееспособном со стороны водителя стеклоочистителе во время дождя или снегопада (подп. 2.3.1 п. 2.3).

Пешеходам при переходе дороги и движении по обочинам или краю проезжей части в темное время суток или в условиях недостаточной видимости рекомендуется, а вне населенных пунктов пешеходы обязаны иметь при себе предметы со световозвращающими элементами (абз. 4 п. 4.1).

В условиях недостаточной видимости независимо от освещения дороги на всех механических транспортных средствах и мопедах должны быть включены фары дальнего или ближнего света, на велосипедах – фары или фонари (п. 19.1).

Приведенные выше нормы закона подтверждают, что социальное регулирование, в том числе правовое, не может не учитывать природные явления, которые оказывают влияние на формирование многих социальных норм, являясь в материальном смысле их источником.

¹ Рос. вести. 1993. 23 нояб.; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.03.2017).

Данные примеры являются лишь одним из множества проявлений интегрирования правовых предписаний и внеправовых социальных регуляторов в деятельности уполномоченных органов при осуществлении ими повседневной правоприменительной деятельности.

Тем не менее необходимо уяснить, что интегрированная юрисдикция может иметь некие черты определенности в случае, если законодательным органом будет закреплена отсылка в связи с конкретными правоотношениями, складывающимися в определенной сфере общественной жизни, например правовом обычае.

Так, согласно вступившим в силу 1 марта 2013 г. изменениям в ст. 5 Гражданского Кодекса Российской Федерации из названия и текста статьи исключаются слова «делового оборота», а также устанавливается, что обычаем признается сложившееся, не предусмотренное законодательством правило поведения, применяемое не только в области предпринимательской, но и в иной деятельности. Тем самым, законодатель в легальном порядке определил источником гражданского права сложившиеся и широко применяемые правила поведения в отношениях между субъектами права, не противоречащие закону и договору.

Таким образом, еще раз подтверждается тезис о сущности интегрированной юрисдикции согласно которому, уполномоченный орган не имеет право механически применять юридическую норму, а должен осознавать ее социальную идею, чувствовать ее мировоззренческую ценность, координировать с иными регуляторами общественных отношений.

Библиографический список

1. Административная юрисдикция : курс лекций / [В. В. Власенков и др.]. – М. : ЮИ МВД России, 1994. – 203 с.
2. Бабелюк Е. Г. Проблемы разграничения деятельности по оказанию государственных услуг и контрольно-надзорной деятельности государства / Е. Г. Бабелюк // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт). – М. : Волтерс Клувер, 2007. – С. 47–54.
3. Борискова И. В. Юрисдикция и юрисдикционная деятельность / И. В. Борисова // Территория науки. – 2014. – № 1. – С. 127–133.
4. Денисенко В. В. Административная юстиция органов внутренних дел / В. В. Денисенко, А. Н. Позднышов, А. А. Михайлов. – М. : ИМИ ГУК МВД России, 2002. – 174 с.
5. Малышкин А. В. Интегрированные судебные акты: общетеоретический анализ : монография / А. В. Малышкин ; под общ. ред. Р. Б. Головкина. – Владимир : ВИТ-принт, 2012. – 212 с.
6. Малышкин А. В. Обычай и традиции в судебной практике судов общей юрисдикции / В. В. Малышкин // Рос. судья. – 2013. – № 3. – С. 6–10.
7. Щепкин Д. Ю. Проблемы дальнейшего развития, соотношения и разграничения административной юрисдикции и правосудия в процессе разрешения административных дел / Д. Ю. Щепкин // Юрид. зап. Воронеж. гос. ун-та. – 2014. – № 4(27). – С. 66–75.

References

1. Vlasenkov V. V., Vlasov V. V., Losyakov V. P., Razorenov F. S., Telegin A. S. Administrative Jurisdiction. M., Yul MVD Rossii, 1994. 203 p.
2. Babelyuk E. G. Problems of Differentiation of Activities to Provide Public Services and Control-supervision Activities of the State Public Services: Legal Regulation (Russian and Foreign Experience). M., Volters Kluver, 2007. P. 47–54.
3. Boriskova I. V. Jurisdiction and Jurisdictional Activity. Territoriya Nauki. 2014. No. 1. P. 127–133.
4. Denisenko V. V., Pozdnyshov A. N., Mikhailov A. A. Administrative Justice of internal Affairs Bodies. M., IMC GUK MVD Rossii, 2002. 174 p.
5. Maly'shkin A. V. Integrated Judicial Acts: Theoretical Analysis. Ed by R. B. Golovkin. Vladimir, VIT-print, 2012. 212 p.
6. Maly'shkin A. V. Customs and Traditions in the Judicial Practice of General Jurisdiction Courts. Rossijskij Sud'ya. 2013. No. 3. P. 6–10.
7. Skhepkin D. Y. The Problems of Further Development of the Relations and the Delineation of Administrative Jurisdiction and Justice in the Process of Resolving Administrative Cases. Yuridicheskie Zapiski Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. 2014. No. 4(27). P. 66–75.

**Петрин Иван Владимирович,
Погодина Ирина Владимировна**

**ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: НЕДОСТАТКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности правового регулирования оказания услуг в электронной форме региональными органами власти и органами местного самоуправления. Проведен анализ правовой базы государственной информатизации с целью формирования предложений по совершенствованию законодательства и повышения эффективности реализации мероприятий в сфере информатизации.*

***Ключевые слова:** электронные услуги, государственные услуги, информатизация, информационные системы, информационно-телекоммуникационные технологии, унификация требований к информационным системам.*

**Petrin Ivan V.,
Pogodina Irina V.**

**INFORMATIZATION OF STATE AUTHORITIES AND LOCAL SELF-GOVERNMENT
BODIES: LACK OF LEGAL REGULATION**

***Abstract.** In article is considered legal regulation of provision of services in electronic form by regional authorities and local self-government bodies. The analysis of the legal base of state informatization has been conducted with the aim of forming proposals on improving the legislation and increasing the efficiency of implementing measures in the field of informatization.*

***Key words:** electronic services, government services, informatization, information systems, information and telecommunication technologies, unification of information systems requirements*

Сегодня «власть мгновенно ставится под сомнение, как только становится известно, что она что-то скрывает или не предоставляет достаточно точную и исчерпывающую информацию. Соответственно, и предоставление органом государственной власти полной и достоверной информации – это не только обязательство государства перед своими гражданами, но и важнейший механизм легитимации власти в обществе»².

В Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года отмечено прикладное значение всей отрасли информационных технологий: «Повышение качества государственного и корпоративного управления является приоритетной целью для развития экономики России. Задачами Стратегии являются повышение прозрачности принятия решений в государственном секторе, повышение прозрачности работы бизнеса, увеличение инвестиционной привлекательности российской экономики и снижение уровня коррупции. Решение этих задач в рамках

¹ © Петрин И. В., Погодина И. В., 2017

² Чижков С. Л. Социальный контекст проблемы транспарентности правосудия // Проблемы транспарентности правосудия / ред.-сост.: Е. Б. Абросимова, С. Л. Чижков. М., 2005. С. 5.

Стратегии без развития отрасли информационных технологий как инструмента невозможно»¹.

Развитие информационных технологий, информатизация органов власти, предоставление ими услуг в электронной форме и информации нуждаются в правовой базе.

Международные нормативные правовые акты играют большую роль в процессах информатизации. Вместе с тем они являются рамочными. Основными международными документами в области информатизации можно назвать Окианавскую хартию², Женевскую конвенцию³, Тунисское соглашение⁴.

В отечественных нормативных правовых документах федерального уровня вопросам информатизации уделено значительное внимание. Прежде всего следует отметить: федеральные законы от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁵; от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и

органов местного самоуправления»⁶, от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»⁷; распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 июля 2007 г. № 871-р «Об утверждении Типовой программы развития и использования информационных и телекоммуникационных технологий субъекта Российской Федерации»⁸, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации утвержденная Президентом Российской Федерации 7 февраля 2008 г. № Пр-212⁹, распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») ¹⁰ и др.

Указанные нормативные правовые акты позволили существенно развить сферу применения электронных услуг в государственном и муниципальном управлении.

Федеральные нормативные правовые акты определяют ряд требований к органам власти с точки зрения внедрения электронных услуг. Вместе с тем отдельные нормы требуют уточнения.

Необходимо отметить, что развитие региональной и муниципальной

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 46, ст. 5954.

² Окианавская хартия глобального информационного общества (2000 г.) // Дипломат. вестн. 2000. № 8.

³ Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» от 12 декабря 2003 г. // Законодательство и практика масс-медиа. 2004. Вып. 1.

⁴ Тунисская программа для информационного общества, принятая 15 ноября 2005 г. WSIS-05/TUNIS/DOC/6(REV.1)-R. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/wsis/tunis2.rtf> (дата обращения: 04.04.2017).

⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 31, ст. 3448.

⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7, ст. 776.

⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4179.

⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 28, ст. 3462.

⁹ Рос. газ. 2008. 16 февр.

¹⁰ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 47, ст. 5489.

информатизации в части неурегулированной федеральными нормативными правовыми актами зависит от видения чиновников на местах. В настоящее время нельзя говорить о едином подходе к разработке всех систем на региональном уровне, так как в регионах информатизация, как правило, развивается по ведомственному принципу.

Другими словами, различные министерства и департаменты региональных правительств проводят «собственную» информатизацию и, как и на федеральном уровне, сталкиваются с проблемами горизонтальной стыковки различных систем, не говоря уже о проблемах согласования с системами федерального уровня. Большое количество подобных локальных проектов реализуется и на муниципальном уровне.

На региональном уровне действуют региональные программы информатизации, в муниципалитетах принимаются собственные концепции информатизации. Следует заметить, что программам не хватает системности и единообразия.

Данные, которые хранятся и обрабатываются в региональных и местных системах, должны максимально подробно и в режиме реального времени сводиться в федеральные информационные системы и уже затем становится основой для принятия решений на государственном уровне. В настоящее время в ряде регионов существует принципиально иной подход, при котором федеральные информационные системы существуют сами по себе, данные в них вводятся региональными органами власти вручную, порой некорректно и со значительной задержкой по времени. Аналогичная ситуация складывается с данными, вводимыми

муниципалитетами в региональные информационные системы.

Указанный выше подход находит свое отражение и при работе с открытыми данными. Наборы данных актуализируются от случая к случаю, в ручном режиме, что, с одной стороны, не рационально, так как данный процесс может (да и должен) быть организован в автоматизированном режиме, а с другой – затрудняет использование таких открытых данных.

В то же время до сих пор не организован механизм автоматизированного контроля размещения информации в соответствии с законодательством даже по формальному признаку. Представляются необходимыми задание единого формата размещения информации, подлежащей размещению в соответствии с законодательством РФ, соответствующий автоматизированный контроль как минимум по формальному признаку (размещено/не размещено) и автоматизированное привлечение ответственных должностных лиц к ответственности в случае полного отсутствия той или иной информации, предусмотренной законодательством. При этом сама мера ответственности, на наш взгляд, должна быть пересмотрена и в случаях неоднократного нарушения законодательства предусматривать соответствующую ответственность вплоть до дисквалификации должностных лиц.

С. Т. Гараев отмечает, что для оптимизации работы муниципальных органов по обращениям граждан и организаций нужно создать формальную модель муниципального аппарата как совокупность органов государственной власти и муниципального управления. В эту модель должны входить

структура аппарата, функции муниципального управления и процессы их выполнения, процессы предоставления муниципальных услуг, описание учетной информации и т. п. с учетом их особенностей¹.

Полагаем целесообразным подобный подход применять на муниципальном и региональном уровнях не только для оптимизации работы по обращениям граждан и организаций, но и в рамках информатизации в целом. Безусловно, каждый регион и муниципалитет имеют свои специфические особенности. Однако это не означает невозможность создания единой модели управления регионом и муниципалитетом. При этом, на наш взгляд, при соответствующем моделировании (а в дальнейшем – при проведении процессов информатизации) следует исходить из тех функций, которые должны быть реализованы в интересах граждан. Это позволит, с одной стороны, оптимизировать все процессы на региональном и муниципальном уровнях, с другой – эффективно изменять конфигурацию типовых информационных систем в зависимости от тех функций, которые реализуются в каждом отдельном регионе и муниципалитете (в том числе и с учетом перераспределения полномочий региональными законами).

Необходимо отметить, что пока на муниципальном и региональном уровнях идет процесс создания и развития огромного числа специализированных информационных систем со схожим функционалом за счет бюджетных средств различных органов власти и органов местного самоуправления, по-

являются и унифицированные коммерческие продукты, которые, по сути, представляют собой попытку реализовать единый подход к информатизации муниципального управления. Примером такого продукта может служить коммерческий продукт «ПАРУС – Электронный муниципалитет», который обеспечивает не только обмен данными в рамках оказания государственных и муниципальных услуг, но и получение информации из федеральных источников, необходимой для повышения эффективности деятельности самих органов местного самоуправления².

Л.А. Морозова справедливо отмечает, что «в нормах права закрепляются, как правило, уже сложившиеся, повторяющиеся общественные отношения. Но нормы права могут и программировать развитие общественных отношений, направлять их развитие в определенное русло. Норма права представляет собой модель регулируемых общественных отношений, которые желательны с точки зрения государства и общества» [12]. На современном этапе именно это свойство норм права программировать развитие, на наш взгляд, должно играть ключевую роль при построении информационного общества в целом и развития системы оказания электронных услуг в частности. Прежде всего, это должно коснуться вопросов координации информатизации на всех уровнях, власти как по горизонтали, так и в рамках вертикальной координации.

¹ Гараев С. Т. Проблемы и пути информатизации в муниципальном управлении // Инновационная наука. 2016. № 5-2(17). С. 51-55.

² Чижков С. Л. Социальный контекст проблемы транспарентности правосудия // Проблемы транспарентности правосудия / ред.-сост. Е. Б. Абросимова, С. Л. Чижков. М., 2005. С. 5.

Библиографический список

1. *Гараев С. Т.* Проблемы и пути информатизации в муниципальном управлении / С. Т. Гараев // *Инновационная наука*. – 2016. – № 5-2(17). – С. 51–55.

2. Проблемы транспарентности правосудия : [монография] / [ред.-сост.: Е. Б. Абросимова, С. Л. Чижов]. – М. : ЛекЭст, 2005. – 328 с.

References

1. *Garaev S. T.* Problems and ways of information technologies in municipal management. *Innovatsionnaya Nauka*. 2016. № 5-2(17). P. 51–55.

2. The problem of transparent justice. Ed.-compl. E. B. Abrosimova, S. L. Chizhov. M., LekE'st, 2005. 328 p.

Неряхин Артём Игоревич

**АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И СРАВНИТЕЛЬНОГО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА
ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ**

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ обусловленности введения в уголовно-процессуальный закон сокращенной формы дознания; исследуются исторические предпосылки и анализируется зарубежный опыт применения данной формы предварительного расследования.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, дознаватель, прокурор, суд, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый.

Neryakhin Artem Igorevich

**ASPECTS OF HISTORICAL AND COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS
OF INQUIRY IN A REDUCED FORM**

Abstract. The article gives a comprehensive analysis of the introduction of conditionality in the criminal procedure law of the reduced form of inquiry: explores the historical background and analyzes the foreign experience of the application of this form of the preliminary investigation.

Key words: short inquiry, interrogator, prosecutor, court, victim, suspect, accused.

По мнению законодателя, сокращенный порядок дознания позволяет исключить нерациональное расходование сил и средств органов предварительного расследования, необоснованное затягивание сроков досудебного производства, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения. К сказанному следует добавить, что дознание в сокращенной форме дает возможность позволит сократить материальные средства государства на работу органов дознания и, как следствие, тщательно заниматься другими, более сложными, уголовными делами, находящимися в их ведении. Уточним, что мы ни в коем случае не приуменьшаем важность различных категорий дел, так как все они требуют особого

и индивидуального подхода. В этом, на наш взгляд, выражается экономическая обусловленность введения рассматриваемого правового института.

Кроме всего прочего, мы не должны забывать о том, что появление последнего продиктовано особенностями отечественного и зарубежного опыта.

Процедура дознания была известна России еще в XIX в. Однако, в отличие от настоящего понимания дознания, она заключалась в первичности по отношению к предварительному следствию. Другими словами, дознание проводилось для установления признаков преступления и обстоятельств дела, если дело уже находилось в производстве у мирового судьи. В любом случае, как пишет Н. А. Колоколов, информация, полученная в процессе дознания, статуса доказательств не получала, поэтому в обязательном порядке подлежала проверке либо при

проведении предварительного следствия, либо уже в суде¹.

Само же понятие «дознание» является производным от слова «дознать», которое толкуется так: «узнавать, раз-узнавать, разведывать, разыскивать, узнавать подробно и верно»².

По мнению советского законодателя, рассматриваемый подход к решению проблемы считался расточительством, поэтому результаты дознания стали относить к доказательствам, а само дознание превратилось в разновидность предварительного следствия. Тем не менее термин «дознание» не упразднили, и в законодательстве появилось понятие «предварительное расследование».

Предварительное следствие осуществляло следователь, а в отношении того, кто должен проводить дознание, в течение многих десятилетий ясности не было.

Постепенно в уголовном процессе появился термин «лицо, производящее дознание», именуемое в штатных расписаниях коротко – «дознатель». По мере роста количества последних из них стали образовываться группы, отделы дознания, возглавляемые начальниками.

В УПК РФ было введено понятие дознавателя, а позднее – начальника подразделения дознания и его заместителя.

Сегодня уголовно-процессуальный закон содержит все правовые основания для того, чтобы признавать

¹ Колоколов Н. А. Актуальные проблемы защиты прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе: в призма результатов мониторинга 2008–2009 гг. М., 2009. С. 204.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: термин «дознать»: URL: <http://slovarsbor.ru/w/дознать> (дата обращения: 02.02.2017).

институт дознания формой предварительного расследования, которая имеет свою структуру и отношения властеподчинения.

Подводя итог вышесказанному, мы не можем согласиться с мнением ученых, которые считают, что «...приближение дознания к уровню предварительного следствия является ошибочным путем. Дознание должно быть упразднено как вид деятельности, не отвечающий принципам уголовного судопроизводства. Предварительное следствие должно проводиться по всем без исключения уголовным делам. Данное обстоятельство не является препятствием для его дифференциации»³.

Нашу позицию мы подтверждаем данными о том, что в течение последних десятилетий более половины всех зарегистрированных преступлений составляют те деяния, предварительное расследование по которым производится в форме дознания⁴.

Кроме того, если Россия хочет вести интегрированную политику по отношению к мировому сообществу, она должна придерживаться мировых и международных стандартов. Иначе мы не сможем реализовывать принцип максимального ускорения производства предварительного расследования по уголовным делам, чтобы не нарушать права и законные интересы лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

В данной связи, на наш взгляд, целесообразно обратиться к опыту зарубежных стран, которые имеют в своем уголовно-процессуальном законода-

³ Колоколов Н. А. Указ. соч. С. 204.

⁴ МВД России : [сайт]. Разд. «Статистика и аналитика»: URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 18.03.2016).

тельстве аналогию российского дознания.

В большинстве стран, как верно указывает О. А. Науменко, наряду с обычным порядком уголовного судопроизводства, существует и порядок, отличающийся от него большей простотой и быстротой. Упрощение может выражаться либо в сокращении или полной ликвидации формального досудебного производства и переноса центра тяжести на судебное разбирательство, либо в устранении судебного разбирательства вообще¹.

Полагаем, это сделано, для того, чтобы снизить загруженность судебной системы, к которой у стран Запада, свое особое отношение; во-вторых, чтобы снизить загруженность органов предварительного расследования; в-третьих, с целью соблюдения процессуальных сроков привлечения к уголовной ответственности, если виновность лица не требует усиленных доказательств.

Во Франции, Голландии, Италии и Португалии полицейское дознание является основной формой предварительного производства и проводится под руководством прокурора. В этих странах нет понятий «следователь», «следствие», а наиболее сложные преступления расследуются следственным судьей.

Заслуживает внимания позиция некоторых российских ученых, которые предлагают развитие особой концеп-

ции полицейского дознания в России. Они считают, что все функции дознания должны быть переданы исключительно органам внутренних дел, другими словами, не должны быть разбросаны по отдельным подразделениям, как это предусматривает действующий УПК РФ (ФСБ России, ФСИН России, МЧС России и др.)².

До принятия УПК РФ в России действовала протокольная форма досудебной подготовки материалов. В таких странах, как Венгрия, Польша и Чехия применяется сокращенная форма досудебного производства, что, по своей сути, является аналогом российской модели, указанной выше.

По уголовно-процессуальному закону Австрии, предварительное расследование осуществляется в форме предварительного следствия, дознания и в виде производства неотложных следственных действий с последующим проведением предварительного следствия. Кстати, подобного рода модель предусмотрена и УПК Австрии, где все материалы дознания передаются прокурору, который в последующем осуществляет следствие.

Предварительное расследование в форме дознания предусмотрено и законодательством некоторых бывших союзных республик. Сделано это, конечно, по аналогии с УПК РФ с незначительными отличиями. Хотя, например, такие страны, как Эстония, Молдова и Киргизия отказались от дознания в

¹ Науменко О. А. Теоретически-правовой аспект зарубежного опыта производства дознания по уголовным делам // Научная индустрия Европейского континента–2012=Vedecky Prumysl Evropekeno Kontinentu-2012 : сб. материалов VIII Междунар. науч.-пакт. конф., 27 нояб. – 5 дек. 2012 г., Прага. – Прага : Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2012. – С. 88–91.

² См., напр.: Бажанов С. В. Краткий обзор истории становления и перспектив развития концепции полицейского дознания в уголовном процессе Российской Федерации // Рос. следователь. 2014. № 18. С. 12–15 ; Махов В. Н. Стадию возбуждения уголовного дела целесообразно поэтапно преобразовать в стадию полицейского дознания // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2014. № 3. С. 180–185.

принципе и не включили его нормативное регулирование в свои уголовно-процессуальные законы.

Таким образом, вышеизложенное выше еще раз подтверждает важность и рациональность расследования уголовных дел в форме дознания, что обусловлено историческими, социальными, экономическими и по-

литическими предпосылками, а также ориентированием на зарубежный опыт. Введение сокращенного порядка дознания позволит достичь существенной процессуальной экономии, расширить диспозитивные начала при реализации подозреваемым (обвиняемым) права на защиту, а потерпевшим – права на доступ к правосудию.

Библиографический список

1. Бажанов С. В. Краткий обзор истории становления и перспектив развития концепции полицейского дознания в уголовном процессе Российской Федерации / С. В. Бажанов // Российский следователь. – 2014. – № 18. – С. 12–15.
2. Колоколов Н. А. Актуальные проблемы защиты прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе: в призме результатов мониторинга 2008–2009 гг. / Н. А. Колоколов. – М. : Юрист, 2009. – 368 с.
3. Махов В. Н. Стадию возбуждения уголовного дела целесообразно поэтапно преобразовать в стадию полицейского дознания / В. Н. Махов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 3. – С. 180–185.
4. Науменко О. А. Теоретически-правовой аспект зарубежного опыта производства дознания по уголовным делам / О. А. Науменко // Научная индустрия Европейского континента–2012=Vedecky Prumysl Evropkeno Kontinentu-2012 : сб. материалов VIII Междунар. науч.-пакт. конф., 27 нояб. – 5 дек. 2012 г., Прага. – Прага : Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2012. – С. 88–91.

References

1. Bazhanov S. V. A Brief Overview of the History of and Prospects for the Development of the Concept of Police Inquiries in Criminal Procedure of the Russian Federation. *Rossii'skii` sledovatel`*. 2014. No. 18. P. 12–15.
2. Kolokolov N. A. Urgent Problems of Protection of Rights, Freedoms and Lawful Interests of Individuals in Criminal Proceedings: in the Context of Monitoring Results 2008–2009 Biennium. M., Iurist. 2009. 368 p.
3. Mahov V. N. Stage of criminal proceedings are appropriate to transform the stage police inquiries. *Vestneyk Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki*. 2014. No. 3. P. 180–185.
4. Naumenko O. A. In Theory, the Legal Aspect of the Foreign Experience of the Inquiry on Criminal Cases. *Nauchnaia industriia Evropei'skogo kontinenta–2012=Vedecky Prumysl Evropkeno Kontinentu-2012 : sb. materialov VIII Mezhdunar. nauch.-pakt. konf., 27 noiab. – 5 dek. 2012 g., Praga*. Praga, Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2012. P. 88–91.

Шумова Кристина Александровна

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ М. М. СПЕРАНСКОГО КАК
ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЕДИАЦИИ В РОССИИ**

Аннотация. Согласно точке зрения автора статьи общественно-политические труды М. М. Сперанского и идеи, высказанные им в сфере примирительных процедур, являются неоспоримым базисом для процветания примирительной процедуры с участием посредника (медиации) в современной правовой действительности.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, примирительные процедуры, медиация.

Shumova Kristina A.

**POLITICAL WRITINGS OF M. M. SPERANSKY
AS A PREREQUISITE FOR THE EMERGENCE OF MEDIATION IN RUSSIA**

Abstract. The article states that the socio-political writings and the ideas of M. M. Speransky in the field of conciliation procedures, are indisputable basis for prosperity of conciliation procedures with participation of the intermediary (mediation) in the modern legal reality.

Key words: M. M. Speransky, conciliation, mediation.

Примирительные процедуры в разрешении правовых споров в России прошли длительную эволюцию и по-разному применялись в различных исторических условиях, но всегда играли стабилизирующую роль в обществе посредством снятия частных и общественных противоречий.

История разрешения споров – это история менявшегося соотношения трех основных форм: насильственной (антиправовой), судебной (посредством принудительного восстановления нарушенного права в судебном порядке) и примирительной. Как известно, в древнейший период преобладала насильственная форма. На догосударственном и доправовом этапе развития человеческого общества конфликты, как правило, разрешались по праву сильного. Вместе с тем ситуация, когда всякий спор в племени приводил к насилию, увечьям, убийствам и раздо-

ру, стала неприемлемой, так как подрывала жизнеспособность и угрожала самому существованию племени. Именно по этой причине вожди и старейшины взяли на себя роль примирителей, разрешая споры между членами племени своей властью, основанной на авторитете и личных качествах. Главной целью такой процедуры было именно примирение сторон, второстепенной – восстановление справедливости, поскольку «примирители в условиях борьбы за выживание племени и высокой агрессивности его членов исходили в первую очередь из насущной необходимости восстановить мир и стабильность в племени и лишь во вторую – из своих представлений о должном и справедливом»¹. На этом этапе посредники и арбитры были одними и теми же лицами. Вождь или старейшина племени

¹ Давыденко Д. Л. Арбитраж и примирение: две стороны одной медали // Третейс. суд. 2004. № 1 (31). С. 84.

выступал одновременно посредником и арбитром. Таким образом, в отличие от современного института посредничества, нейтральное третье лицо могло навязать сторонам свое решение. Можно предположить, что вследствие применения принуждения споры часто удавалось разрешить миром, но не обязательно на условиях, вполне удовлетворявших стороны.

О значении процедуры посредничества в России свидетельствует тот факт, что в первом отечественном гражданском процессуальном кодексе – Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. – имеется отдельная глава «О примирительном разбирательстве», согласно которой посредники прежде всего стремились примирить стороны, а затем, в случае неудачи, выносили решение по существу. Аналогичное положение содержалось в Уставе судопроизводства в коммерческих судах 1832 г. (гл. 5 «О разбирательстве через посредников»). При этом в нем были указаны случаи, когда суду целесообразно было предложить сторонам заключить мировую сделку (§ 194): «Но в спорах многосложных, коих существо не относится к товариществу, когда по первоначальному объяснению сторон не будет найдено очевидного и решительного перевеса ни в доказательствах, ни в опровержениях, и когда сей перевес может открыться не иначе как впоследствии продолжительной тяжбой, затруднительными справками, свидетельствами, или дополнительной присягой. – Суд, не приступая к решению, предлагает прежде сторонам или войти в мировое соглашение при посредстве его, или же разобратся добровольным третейским судом». В случае, если стороны решили участвовать в процедуре посредничества,

проводимой судом, суд предоставлял им право избрать из его среды одного или двух примирителей; иначе он сам назначал таких примирителей из своих членов (§ 200). Примиряющие были обязаны, выслушав стороны, сперва представить им законы, на основании которых дело может быть решено, а потом сообщить и свое мнение о том, каким образом по взаимному согласию оно могло быть кончено миролюбно (§ 201)¹.

Прототипом норм, обозначенных в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г., явились труды выдающегося государственного деятеля М. М. Сперанского. В «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803 г.) и «Введении к Уложению государственных законов» (1809 г.) предполагалось введение учреждений, аналогичных мировому суду (волостной суд)². Существо волостного суда, по Сперанскому, состояло в мирном разбирательстве гражданских дел через посредников и во взыскании за маловажные полицейские проступки обозначенных в законе пеней и наказаний, нежели в формальном и письменном их производстве. Однако законом должны быть определены некоторые дела, особенно уголовные, которые главный волостной судья не мог рассматривать иначе, как пригласив в суд двух депутатов из волостного совета, которые в этом случае являлись, по Сперанскому, присяжными, а судья выступал их председателем (*directeur du jury*).

Неопровержимым фактом примирительного характера гражданского

¹ Кузбагаров А. Н. Примирение сторон по конфликтам частноправового характера : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. С. 10–11.

² Сперанский М. М. Проекты и записки. М. ; Л., 1961.

судопроизводства выступали коммерческие суды, учрежденные указом Николая I от 14 мая 1832 г. Они действовали на основе утвержденного этим указом «Учреждения коммерческих судов и Устава их судопроизводства». Документ был подготовлен специальной комиссией под председательством М. М. Сперанского, который являлся не только автором системы создания коммерческих судов, он разработал и предложил концепцию этих судов. М. М. Сперанский проповедовал идеи равенства сторон и состязательности, настаивал на досудебном разбирательстве, разбирательстве третейскими судами, широком использовании переговорно-примирительных процедур. Он полагал, что коммерческие суды должны обладать быстротой рассмотрения дел.

Возникшие в начале XIX в. коммерческие суды в 1832 г. получили прочную правовую основу в виде Устава судопроизводства торгового. Как отмечается, среди прочих принципов данного Устава, М. М. Сперанским называлось и «разбирательство примирительное». «Великий русский реформатор» отмечал, что «споры торговые... не терпят ни малейшего отлагательства... в сем роде дел всякий обряд несовершенноужный, всякая остановка в движении суда могут причинить или ускорить разорение». Кроме того, М. М. Сперанский говорил о примирительном характере торгового судопроизводства и стремлении к установлению полного доверия к суду¹.

На наш взгляд, реформаторские начинания М. М. Сперанского явились в истории России ценным теоретическим и

практическим опытом продвижения в ткань российской государственности и, шире, национально-культурного организма принципов развития, преодолевающих политический традиционализм, подкрепленный мессианскими идеями сакральной власти. Сегодня, силой самих обстоятельств, в условиях нового глобального проекта современности, на обломках Советского государства, Россия вынуждена превозмогать собственный дуализм традиционализма и модернизма, консерватизма и либерализма и, тем самым, нести ответственность за исторический выбор, который требует трезвости в понимании и оценке происходящего. Путь Сперанского, остававшегося в рамках существующей системы общественных отношений, но формулировавшего задачи, решение которых открывалось только в изменении политических и ментальных стереотипов культурной традиции, т. е. в известной степени в либеральной перспективе, кажется особенно интересным.

В контексте обсуждения обозначенной темы, следует отметить, что не зря М. М. Сперанский считал себя спасителем от национальной катастрофы – распада государства, проходившего под лозунгами политического и экономического либерализма. Выдающийся государственный деятель осознавал и прогнозировал то политико-правовое пространство, куда могут вывести ритмы российской социально-политической истории. Его общественно-политические труды и идеи, высказанные им в сфере примирительных процедур, являются неоспоримым базисом для процветания примирительной процедуры с участием посредника (медиации) в современной правовой действительности.

¹ *Архипов И. В.* Модернизация торгового права и коммерческого процесса в России в XIX – начале XX в. : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2000. С. 307.

Библиографический список

1. *Архипов И. В.* Модернизация торгового права и коммерческого процесса в России в XIX – начале XX в. : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Архипов Игорь Валентинович. – Саратов, 2000. – 463 с.
2. *Давыденко Д. Л.* Арбитраж и примирение: две стороны одной медали / Д. Л. Давыденко // Третейс. суд. 2004. № 1 (31). – С. 83–87.
3. *Кузбагаров А. Н.* Примирение сторон по гужакbrnfv частнопровового характера : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Кузбагаров Асхат Назаргалиевич. – СПб., 2006. – 46 с.
4. *Сперанский М. М.* Проекты и записки. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961.

References

1. *Arkhipov V. I.* Modernization of Commercial Law and Commercial Process in Russia in the XIX – Beginning of XX Centuries. Sciences. Saratov, 2000. 463 p.
2. *Davy'denko D. L.* Arbitration and Reconciliation: Two Sides of the Same Coin. *Tretejskij Sud*. 2004. No. 1(31). P. 83–87.
3. *Kuzbagarov A. N.* The Reconciliation of the Parties in Disputes of a Private Law Character. SPb., 2006. 46 p.
4. *Speranskij M. M.* Projects and Notes. M., L., Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. 245 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 343.915

Сморчков Алексей Иванович

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются материальные и процессуальные аспекты, законодательные основания и особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, их взаимодействие, а также проблемы судебной практики при назначении им наказания.

Ключевые слова: уголовная ответственность несовершеннолетних, максимальное наказание несовершеннолетним, меры пресечения в виде заключения под стражу отношении несовершеннолетних, коллизии материальных и процессуальных норм.

Smorchkov Alexei I.

CRIMINAL LIABILITY OF MINORS: CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE ASPECTS

Abstract. The article discusses substantive and procedural aspects, legal grounds and peculiarities of criminal liability of minors, their interactions, and the problems of judicial practice in the appointment of his or her sentence

Key words: criminal responsibility of minors, the maximum punishment of minors, the measure of restraint in form of detention against a minor, conflict of substantive and procedural norms

Уголовная ответственность несовершеннолетних постоянно находится в центре внимания как юридической науки, так и правоприменительной практики. Многие проблемы, связанные с применением уголовного и уголовно-процессуального законодательства в отношении несовершеннолетних получили свое разрешение в соответствующем специальном постановлении Верховного Суда Российской Федерации по этим вопросам¹. Одна-

ко остались и нерешенные проблемы, которые имеют серьезное практическое значение, поскольку затрагивают, в частности, такие важные моменты уголовной ответственности несовершеннолетних, как назначение им наказания за совершенные преступления и избрание в отношении их определенных мер пресечения.

Возможно, отчасти это объясняется комплексным характером рассматриваемых проблем, поскольку особенности уголовной ответственности несовершеннолетних являются предметом регулирования таких отраслей, как уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное

© Сморчков А. И., 2017

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Верхов. суда Рос. Федерации от 1 февр. 2011 г. № 1 // Рос. газ. 2011. 29 нояб.

право, которые содержат соответствующие разделы.

В связи с этим на практике, в процессе комплексного регулирования, возникают определенного рода коллизии, связанные именно с несогласованностью правовой регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних хотя и взаимосвязанными, но все-таки различными отраслями права. При этом имеются в виду следующие моменты.

Согласно ч. 6 ст. 88 УК РФ наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до 16 лет преступления небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые.

Необходимо подчеркнуть, что этим императивным требованием материального уголовного закона следует руководствоваться не только при назначении наказания указанным категориям несовершеннолетних, но и при решении вопроса об избрании им, например, такой меры пресечения, как заключение под стражу.

Речь здесь идет о том, что приведенное выше положение ч. 6 ст. 88 УК РФ не согласуется с ч. 2 ст. 108 УПК РФ, согласно которой в исключительных случаях предусматривается, что эта мера пресечения все-таки может быть избрана и в отношении любого несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести. При этом никакой оговорки насчет того, впервые или нет несовершеннолетний совершил это преступление, в каком именно возрасте (до достижения

16 лет или после), ч. 2 ст. 108 УПК РФ не содержит.

Следует отметить и еще одно обстоятельство, свидетельствующее о том, что ч. 2 ст. 108 УПК РФ не согласуется и с ч. 1 этой же статьи, поскольку последняя допускает избрание такой меры пресечения, как заключение под стражу и в отношении совершеннолетних обвиняемых или подозреваемых, только в случае совершения ими как минимум преступления, за которое может быть назначено наказание свыше трех лет лишения свободы, т. е. не менее средней категории тяжести.

Полагаем, что сделано это не случайно, поскольку ч. 1 ст. 56 УК РФ также значительно ограничивает возможность назначения наказания в виде лишения свободы даже по отношению к совершеннолетним осужденным, совершившим впервые преступление небольшой тяжести, устанавливая для этого определенные исключительные обстоятельства.

Решение этой законодательной коллизии, как представляется, должно быть найдено путем изменения редакции вышеприведенных норм УПК РФ, а до этого момента при решении вопроса об избрании упомянутой меры пресечения следует исходить из приоритетного значения норм материального уголовного права, толковать это противоречие в пользу несовершеннолетнего обвиняемого.

С учетом изложенного полагаем, что такая мера пресечения, как заключение под стражу на основании сопоставления ч. 6 ст. 88 УК РФ, ч. 1 ст. 56 УК РФ и ч. 1, 2 ст. 108 УПК РФ не может быть избрана даже в исключительных случаях в отношении несовершеннолетних, совершивших в возрасте до 16 лет

впервые преступление небольшой или средней тяжести, а также в отношении остальных категорий несовершеннолетних, совершивших преступление небольшой тяжести впервые.

Другой проблемой для правоприменителя, как представляется, является неудачная формулировка ч. 6¹ ст. 88 УК РФ, допускающая неоднозначное толкование и неправильное применение ее на практике. Указанная часть ст. 88 УК РФ, введенная Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹, устанавливает, что при назначении наказания несовершеннолетнему в виде лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления низший предел наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК РФ, сокращается наполовину.

Суды поняли и применяют эту норму так, что при назначении наказания несовершеннолетнему автоматически, в любом случае, несмотря на наличие или отсутствие смягчающих или отягчающих обстоятельств, их соотношение, выносится приговор, в соответствии с которым размер назначенного наказания в виде лишения свободы точно составляет половину от низшего предела наказания, установленного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Получается, что законодатель предписывает судам по таким уголовным делам выносить конкретный вид и меру наказания.

Такое толкование и применение указанной статьи представляются неверными, не соответствующими ее буквальному выражению и содержа-

тельному смыслу. Дело в том, что ч. 6¹ ст. 88 УК РФ предоставляет суду исключительно право, а не обязывает его в любом случае назначить несовершеннолетнему, осужденному за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, наказание в виде лишения свободы размером 1/2 от низшего предела, установленного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

Указанная часть ст. 88 УК РФ предусматривает *возможность* назначения судом такого наказания аналогично положениям ст. 64 или 68 УК РФ, также предусматривающим право, а не *обязанность* суда при конкретных обстоятельствах назначить наказание ниже низшего предела, установленного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

Причем это исключительное право суд может применить вне зависимости от категории совершенного преступления, включая тяжкие или особо тяжкие преступления (ст. 64 УК РФ), а также при любом виде рецидива преступления (ст. 68 УК РФ).

В других подобных случаях законодатель применяет этот юридико-технический прием и к совершеннолетним лицам, ограничивая верхний предел наказания, которое может быть назначено судом согласно ст. 62, 65, 66, 69, 70 УК РФ и соответствующим статьям УПК РФ, например, при назначении наказания по делам, рассматриваемым в особом порядке, согласно ч. 7 ст. 316 УПК РФ.

К сожалению, ни в вышеуказанном специальном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодатель-

¹ Рос. газ. 2003. 16 дек.

ства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», ни в постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»¹ эти вопросы решены не были.

Отмеченные проблемы применения норм материального и процессуально-

го уголовного права непосредственно затрагивают ключевые вопросы либо избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетних в виде заключения под стражу, либо назначения им наказания в виде лишения свободы, ограничивают или лишают их принадлежащих им конституционных прав и свобод и поэтому требуют оперативно-го законодательного решения.

¹ Рос. газ. 2015. 29 дек.

Библиографический список

1. Долматов А. О. Особенности назначения уголовного наказания несовершеннолетних / А. О. Долматов // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 3(5). – С. 25–32.
2. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З. Ф. Коврига // Судеб. власть и уголов. процесс. – 2016. – № 2. – С. 25–123.
3. Прозументов Л. М. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Российской Федерации / Л. М. Прозументов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. – 176 с.

References

1. Dolmatov A. O. Features of Criminal Punishment of Juveniles. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2012. No. 3(5). P. 25–32.
2. Kovriga Z. F. Criminal procedure the responsibility. *Sudebnaya Vlast' i Ugolovnyj Process*. 2016. No. 2. P. 25–123.
3. Prozumentov L. M. The Criminal Responsibility of Minors Under the Law of the Russian Federation. – Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo Universiteta, 2015. 176 p.

Головинская Ирина Викторовна

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 25.1 УПК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с реализацией положений ст. 25.1 и гл. 51.1 УПК РФ о порядке прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Ключевые слова: производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности, судебный штраф, следователь, прокурор, суд, прекращение уголовного дела или уголовного преследования.

Golovinskaya Irina V.

PROBLEMS OF APPLICATION OF ARTICLE 25.1 THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article deals with the problematic issues related to the implementation of the provisions of article 25.1, of chapter 51.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the procedure for the termination of criminal case or criminal prosecution with the purpose of measures of criminal-legal character in the form of court fine.

Key words: trade on the appointment of the measures of criminal-legal character upon release from criminal responsibility, judicial fine, the investigator, the prosecutor, the court, the termination of criminal case or criminal prosecution.

В связи с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности¹» и УК РФ, и УПК РФ пополнились новым основанием (далее: Закон № 323-ФЗ) и, соответственно, регламентацией порядка освобождения от уголовной ответственности. Наряду с введением новой гл. 51.1 в УПК РФ, были внесены дополнения и в ряд других статей уголовно-процессуального закона.

Целью принятия закона, как сказано в пояснительной записке к нему, являются дальнейшая гуманизация

и либерализация уголовного законодательства Российской Федерации. Прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям влечет освобождение от уголовной ответственности и отсутствие судимости у лица. Нельзя не признать тот факт, что отсутствие судимости благоприятно скажется на дальнейшей жизнедеятельности лица. Вместе с тем анализ статистических данных свидетельствует о том, что на протяжении полутора десятков лет на фоне постоянного снижения количества уголовных дел, поступающих на рассмотрение в суды, и сокращения общего числа лиц, осуждаемых за совершение преступлений, наблюдается увеличение доли лиц, имеющих судимости за совершение преступлений небольшой тяжести. По данным судебной статистики, суды в среднем ежегодно прекращают

© Головинская И. В., 2017

¹ Рос. газ. 2016. 8 июля.

уголовные дела по нереабилитирующим основаниям в отношении более двухсот тысяч лиц. Законодателем Законом № 323-ФЗ предоставлена возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с применением мер уголовно-правового характера как в судебной части производства по уголовному делу, так и на этапе расследования, что должно способствовать не только процессуальной экономии, но и обеспечению с большей вероятностью возмещения вреда и заглаживания причиненного преступлением вреда¹; позволит в более сжатые сроки восстановить социальную справедливость; снизить уровень конфликтности в обществе в целом и количество лиц, имеющих судимость, что в свою очередь устраним негативные последствия ее наличия не только для самого лица, совершившего преступление, но и его близких родственников.

Законодателем предполагалось, что «основная нагрузка в превенции правонарушений ляжет на иные меры уголовно-правового характера, а механизм уголовной ответственности будет включать только когда применение иных мер уголовно-правового характера не достигло своих целей и не оказало достаточного превентивного воздействия на правонарушите-

ля»². Новое основание освобождения от уголовной ответственности позволит не применять уголовное наказание приблизительно к 25 тыс. лиц ежегодно.

Таким образом, принятые в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство дополнения всецело следует признать позитивными.

Вместе с тем можно констатировать, что ни в среде органов расследования, ни в судах не наблюдается активности по их применению. Казалось бы, новое основание освобождения от уголовной ответственности должно было бы быть охотно воспринято как органами расследования, прокуратуры, так и судами. Однако сегодня статистика свидетельствует об обратном.

Разумеется, срок действия новых норм пока невелик. Практика знает немало примеров, когда новые нормы, достаточно упрощающие производство и экономящие время правоприменителя, по разным причинам начинали активно «работать» далеко не сразу после их введения. В числе таких примеров можно назвать институт особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением³. Практические работники помнят время, когда случаи его применения были единичными. Спустя

¹ Головинская И. В. К вопросу о совершенствовании прав потерпевшего // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Омск, 28 марта 2014 г. / отв. ред. : И. Г. Рагозина, О. А. Волторнист. Омск, 2014. С. 126–131.

² Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения 14.12.2015).

³ Головинская И. В. Расширение перечня особых порядков судебного разбирательства в отечественном уголовном процессе: досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестн. Владим. юрид. института. 2009. № 3. С. 56–59.

несколько лет данный институт стал лидирующим в числе производств при разрешении судами уголовных дел по существу. Этому способствовали и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, и постепенное совершенствование правового регулирования данного вида производств по уголовным делам посредством внесения изменений и дополнений в УПК РФ.

Думается, что вполне перспективный и могущий обеспечить высокую процессуальную эффективность институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа также со временем займет ведущее положение в производстве по уголовным делам. Однако целесообразно выяснить причины, затрудняющие его активное применение на первоначальном этапе, с тем, чтобы, по возможности быстро их устранив, предоставить правоприменителю более широкий диапазон видов решений, принимаемых по итогам расследования или судебного рассмотрения, и законные основания для уверенности в правильности их применения.

Итак, суть нового института заключается в том, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред (ст. 76.2 УК РФ).

Таким образом, обязательными условиями применения нового института прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа

являются следующие: лицо впервые совершило преступление; преступление должно относиться к категории небольшой или средней тяжести; лицо возместило ущерб или загладило причиненный вред.

Вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования может быть решен как в досудебном, так и в судебном производстве.

Субъектом, к которому может применяться положение ст. 76.2 УК РФ, может быть подозреваемый, обвиняемый, а на этапе судебного рассмотрения уголовного дела – подсудимый. Соответственно, применять данную норму правомочен суд по собственной инициативе в ходе судебного разбирательства уголовного дела, либо – в досудебном производстве – следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора посредством вынесения постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, которое вместе с материалами уголовного дела направляется в суд. Обращает на себя внимание факт отсутствия прямого указания на необходимость утверждения (согласования) ходатайства следователя с прокурором.

Заметим, что в первоначальных редакциях проекта Закона № 323-ФЗ предполагалось в случае вынесения соответствующего решения в досудебном производстве по уголовному делу правом применения штрафа наделить начальника органа дознания, а во всех

остальных случаях решение о назначении штрафа должен был принимать суд. Против такого положения были высказаны аргументы в заключении к проекту Закона № 323-ФЗ Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В частности, указывалось, что новый вид освобождения от уголовной ответственности фактически предполагает внесудебное признание лица, совершившего преступление, что противоречит ст. 49 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Таким образом, устанавливая возможность применения к лицу, освобожденному от уголовной ответственности, меры уголовно-правового характера, проектом по существу предлагалось считать лицо заведомо виновным в совершении преступления, несмотря на то, что его вина не установлена в предусмотренном законом порядке, что вряд ли можно признать обоснованным. При таких обстоятельствах возможность назначения штрафа начальником органа дознания (т. е. во внесудебном порядке), даже при наличии согласия лица на прекращение в отношении его уголовного преследования по такому основанию не отвечает назначению и принципам уголовного судопроизводства, закрепленным в ст. 7, 8 и 14 УПК

РФ¹. Сегодня назначение штрафа – исключительная юрисдикция суда.

В случае, если в ходе судебного производства по уголовному делу будут установлены основания, предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ, суд одновременно с прекращением уголовного дела или уголовного преследования разрешает вопрос о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, о чем выносит постановление или определение, в котором указывает размер судебного штрафа, порядок и срок его уплаты. Обязанностью суда является разъяснение лицу правовых последствий неуплаты штрафа в установленный судом срок, обязательность представления сведений об уплате судебного штрафа судебному приставу-исполнителю в течение 10 дней после истечения срока, установленного для уплаты судебного штрафа.

Правовыми последствиями неуплаты лицом судебного штрафа являются его отмена и привлечение лица к уголовной ответственности по соответствующей статье УК РФ, которая вменялась ему за совершенное им преступление. Процедура изложена в ст. 446.5 УПК РФ: суд по представлению судебного пристава-исполнителя в порядке, установленном ч. 2, 3, 6, 7 ст. 399 УК РФ, отменяет постановление о

¹ Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 16 февр. 2016 г. № 2.2-1/710 по проекту федерального закона № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (первое чтение) // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и направляет материалы руководителю следственного органа или прокурору. Дальнейшее производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке.

Поскольку сфера действия нововведений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство охватывает преступления небольшой или средней тяжести, то решения о назначении лицу штрафа правомочны принимать единолично судья районного суда или военного суда соответствующего уровня либо мировой судья, согласно правилам предметной и территориальной подсудности. Особо следует подчеркнуть, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа допускается и в суде апелляционной инстанции – до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу.

Предусмотрена обязательная явка лица, в отношении которого рассматривается вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

В ряде процессуальных норм, касающихся нового основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования, законодатель подчеркивает исключительные полномочия суда по разрешению данного вопроса; из совокупности норм усматривается, что вопрос подлежит рассмотрению в судебном заседании. Однако в регламентации судебной процедуры по разрешению данного вопроса име-

ются некоторые пробелы. Так, из п. 3 ч. 1 ст. 229 УПК РФ следует, что обязательным основанием проведения предварительного слушания является наличие основания для приостановления или прекращения уголовного дела. Следовательно, после поступления ходатайства дознавателя или следователя в суд последний должен назначить предварительное слушание.

При этом известно, что основной целью назначения и проведения предварительного слушания является устранение препятствий для дальнейшего полноценного судебного следствия. Исходя из обозначенной цели суд уполномочен принимать решения, перечень которых содержится в ч. 1 ст. 236 УПК РФ.

В случае же с рассмотрением ходатайства органа расследования о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу штрафа законодатель ч. 1 ст. 236 УПК РФ дополнил п. 4.1, согласно которому по результатам предварительного слушания судья принимает решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ и назначении обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, предусмотренной ст. 104.4 УК РФ.

Кроме того, ст. 236 УПК РФ пополнилась новой ч. 3.1, где сказано, что в постановлении о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ должны быть также указаны размер судебного штрафа, срок и порядок исполнения данной меры уголовно-правового характера.

Из смысла изложенных процессуальных норм следует, что судебное следствие не проводится, если вопрос об удовлетворении ходатайства и назначении лицу штрафа с указанием его размера и сроков уплаты разрешается на предварительном слушании. Другими словами, на предварительном слушании в отношении лица по вопросу прекращения уголовного дела или уголовного преследования судом принимается итоговое решение.

Представляется, что для назначения предварительного слушания необходимо соблюдать сроки, установленные ч. 2 ст. 234 УПК РФ: уведомление о вызове сторон в судебное заседание должно быть направлено не менее чем за 3 суток до дня проведения предварительного слушания. Однако при этом законодателем установлен срок для рассмотрения ходатайства дознавателя или следователя – не позднее 10 суток со дня поступления ходатайства в суд.

Кроме того, если говорить о том, что вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по ходатайству органа расследования решается исключительно на предварительном слушании, то законодателью, внося изменения в ст. 236 УПК РФ, следовало бы учесть и отразить в п. 4.1 ч. 1 ст. 236 УПК РФ, что видов решений по поданному ходатайству может быть два: кроме удовлетворения ходатайства, суд может и отказать в его удовлетворении. Основания отказа в удовлетворении ходатайства изложены в п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ. Согласно указанной норме по результатам рассмотрения ходатайства судья выносит постановление, в котором указывает решение об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовно-

го дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с возвращением ходатайства и материалов уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору, если сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайства, либо уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям.

Предусмотрен обязательный учет судом таких обстоятельств, как материальное положение лица, в отношении которого прекращается производство и назначается судебный штраф, и его семьи, возможность получения указанным лицом заработной платы или иного дохода. Названные обстоятельства влияют на размер и срок уплаты штрафа. Кроме того, на определение размера штрафа влияет тяжесть совершенного преступления.

Согласно ст. 104.5 УК РФ размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В случае, если штраф не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ, размер судебного штрафа не может быть более 250 тыс. руб.

Анализ новых норм в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, опрос практических работников позволил определить основные проблемы, возникшие в связи с про-

цедурой прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

К первой группе проблем следует отнести отсутствие рекомендаций и разъяснений механизма применения положений новых норм УК РФ и УПК РФ.

У судов возникает обоснованный вопрос: является правом или обязанностью суда удовлетворение ходатайства органа расследования (или принятие решения по собственной инициативе суда во время судебного разбирательства уголовного дела) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа?

Еще одним немаловажным вопросом у судов в связи с применением норм о судебном штрафе является следующий: возможно ли применение судебного штрафа за совершение отдельных преступлений, образующих совокупность преступлений?

Возникает вопрос о необходимости (или, напротив, отсутствии таковой) утверждения (согласования) постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ) прокурором. Исходя из смысла ч. 3 ст. 446.2 УПК РФ, даже копия такого постановления не направляется прокурору («копия указанного в части второй настоящей статьи постановления направляется следователем, дознавателем

подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и гражданскому истцу»). Прокурор о нем узнает лишь тогда, когда получит постановление или определение суда по итогам рассмотрения такого ходатайства (ч. 8 ст. 446.2 УПК РФ).

Есть еще одна проблема, требующая особого внимания: конкуренция положений ст. 76.1 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности» и ст. 76.2 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа». В соответствии с последней из названных норм лицо может уплатить штраф до 250 тыс. руб., а согласно ст. 76.1 УК РФ лицо обязано возместить трехкратный размер причиненного вреда. В связи с этим необходимы разъяснения о применении соответствующих норм при расследовании и разрешении уголовных дел о конкретных преступлениях.

Далее. Одной из основных проблем распространение действия ст. 76.2 УК РФ и 25.1 УПК РФ на правоотношения, связанные с совершением преступлений небольшой или средней тяжести. Однако никакой перечень исключений из общего количества составов преступлений, отнесенных УК РФ к преступлениям указанных категорий, законодателем не изложен.

В силу сложившегося положения к преступлениям небольшой или средней тяжести, в числе прочих, относятся и преступления, связанные с половой неприкосновенностью, с незаконным оборотом наркотических средств, а также преступления в сфере экономической деятельности и др. Налицо различные мотивы для сомнений в необходимости применения правовых норм о штрафных санкциях в отноше-

нии к обвиняемым в совершении подобных преступлений.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: необходимо ли или возможно ли применение ст. 25.1 УПК РФ, если преступление совершено не в отношении конкретного лица, а в отношении неопределенного круга лиц, где объектом преступления выступает общественная безопасность в различных сферах жизнедеятельности, но потерпевший отсутствует?

Условием отказа от применения уголовного наказания является обязательность возмещения лицом ущерба или иным образом заглаживание причиненного преступлением вреда. Согласно разъяснениям, данным в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19, под заглаживанием вреда для целей ст. 76 УК РФ следует понимать возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего. Способы заглаживания вреда, которые должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц, а также размер его возмещения, определяются потерпевшим¹. Относится ли данное положение и к ст. 76.2 УК РФ, а также к ст. 25.1 УПК РФ? А также как в подобной ситуации поступать, если нет потерпевшего? Такие нормы охватывают статьи, содержащиеся в различных главах УК РФ, наибольшее их количество содержится в гл. 24, 25, 28, 31, 32 УК РФ,

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2013. № 8.

например, ст. 212.1, 215.4, 223, 228, 245, 294, 308, 310, 328 и др. С кем в подобных ситуациях согласовывать размер ущерба и способ заглаживания вреда? А в ряде случаев (ст. 310 УК РФ) возместить ущерб и заглаживать вред вообще не представляется возможным, поскольку сведения уже разглашены, а значит, как это скажется на ходе дальнейшего расследования уголовного дела и его судебной перспективе, определить нельзя.

Кроме того, государством, обществом, законодателем прилагалось немало усилий для ужесточения ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Сегодня нормы гл. 25 УК РФ, регламентирующие составы преступлений небольшой и средней тяжести, не стали исключением из сферы действия ст. 76.2 УК РФ и, соответственно, УПК РФ. Другими словами, обвиняемый по ст. 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» в случае применения к нему ст. 25.1 УПК РФ может рассчитывать на штраф в размере 20 тыс. руб.

Более того, совсем недавно законодатель усилил ответственность за преступления в отношении несовершеннолетних. Однако вновь принятые дополнения в УК РФ и УПК РФ нивелируют достижения общества в части защиты прав несовершеннолетних. Возникает вопрос, имеется ли необ-

ходимость в предоставлении возможности освобождения от уголовной ответственности преступников по таким статьям УК РФ, как ч. 2 ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера» (несмотря на то, что в названной статье ч. 2 касается несовершеннолетних, представляется, что и ч. 1 ст. 133 УК РФ следовало бы исключить из сферы действия института судебного штрафа как основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования), ч. 1 ст. 134 УК РФ. «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», ч. 1 ст. 135 УК РФ «Развратные действия», ст. 240.1 УК РФ «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего». Думается, что законодатель не должен отступать от достигнутых позиций в таких принципиальных вопросах, как защита несовершеннолетних, тем более в случае совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Сегодня и органы расследования, и прокуратуры, и суды оказались в положении, когда страх допустить ошибку удерживает от правоприменения новых норм на практике. Следователь опасается возвращения материалов уголовного дела на дополнительное расследование от прокурора, прокурор опасается неудовлетворения ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования судом и назначении меры уголовно-правового характера в виде штрафа. Опасения для правоприменителя вполне оправ-

данны, поскольку последствиями подобных решений практически всегда будут организационные выводы вышестоящего руководителя в виде выговоров, лишения премий и т. п. Суд в свою очередь опасается решения вышестоящего суда в случае пересмотра его решения в апелляционной инстанции. Отмена решений судьи также неблагоприятно сказывается при продлении полномочий судей, присвоении очередного классного чина и т. п. Создается ситуация, при которой лучше действовать старым надежным способом – проводить полноценное расследование и судебное разбирательство уголовного дела по общим правилам, чем пытаться сократить время на производство по уголовному делу и заботиться об отсутствии у лица судимости. Представляется, что как минимум разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по возникшим проблемам значительно могли бы снять напряжение в части применения нового основания освобождения от уголовной ответственности. Кроме того, анализ вновь принятых норм во взаимосвязи с действовавшими на момент их введения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, а также последующие законодательные корректировки устранили бы имеющиеся пробелы и проблемы, способствовали бы активной и единообразной правоприменительной практике достаточно востребованного института прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Библиографический список

1. Головинская И. В. Расширение перечня особых порядков судебного разбирательства в отечественном уголовном процессе: досудебное соглашение о сотрудничестве / И. В. Головинская // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2009.– № 3. – С. 56–59.

2. Головинская И. В. К вопросу о совершенствовании прав потерпевшего / И. В. Головинская // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Омск, 28 марта 2014 г. / отв. ред. : И. Г. Рагозина, О. А. Волторнист. – Омск : Ом. юрид. акад., 2014. С. 126–131.

3. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2013. № 8.

References

1. *Golovinskaya I. V.* Extension of the List of Special Orders of the Trial in Domestic Criminal Proceedings: Pre-trial Agreement on Cooperation. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* – 2009.– No. 3. – P. 56–59.

2. *Golovinskaya I. V.* On the Improvement of Victim's Rights. *Actual Problems of Criminal and Criminal Procedure Policy of the Russian Federation.* Ed. by I. G. Ragozin, O. A. Voltornist. Omsk, Omskaya Yuridicheskaya Akademiya, 2014. P. 126–131.

3. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2013 № 19 «About application by vessels of the legislation regulating the grounds and procedure of exemption from criminal responsibility» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, № 8, August, 2013.

Гриненко Александр Викторович

ФУНКЦИИ УЧЕНИЯ О ПРИНЦИПАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Статья посвящена определению предмета учения о системе принципов уголовного судопроизводства как перспективного направления российской уголовно-процессуальной науки. Уточнен понятийный аппарат, предложена структура учения, а также определены основные функции учения о принципах уголовного процесса.

Ключевые слова: принцип, уголовно-процессуальное право, система, структура, функции, предмет, учение.

Grinenko Alexander V.

FUNCTIONS OF THE DOCTRINE OF THE PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE

Abstract. The article is devoted to the definition of the subject of the doctrine of the principles of the criminal justice system as a promising area of Russian criminal procedure science. It clarifies the conceptual apparatus, proposed structure of the teaching, as well as the basic function of the doctrine of the principles of the criminal process.

Key words: principles, criminal procedural law, system, structure, function, object teaching.

Термин «принцип» входит в категориальный аппарат науки уголовно-процессуального права. Под принципом (от лат. *principium* основа, начало) в общенаучном смысле принято понимать основное, исходное положение какой-либо теории, учения, главное правило деятельности².

Формулирование данного понятия применительно к сфере уголовного судопроизводства является одной из наиболее важных теоретических проблем, так как принципы уголовного процесса, по мнению М. С. Строговича, представляют собой «...основные положения, определяющие всю систему

процессуальных форм, весь строй процессуальных отношений»³.

Под **принципами уголовного процесса** следует понимать основы создания и направленности всей системы соответствующей отрасли права, которые наиболее полно выражают содержание уголовно-процессуального законодательства, тесно связаны с государственной политикой в сфере уголовного судопроизводства, являются общими для всех стадий процесса и, будучи нормативными образованиями высшей юридической силы, оказывают охранительное и регулятивное воздействие по отношению ко всем уголовно-процессуальным нормам.

При изучении научных работ не трудно заметить, что в описании от-

© Гриненко А. В., 2017

² Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1986. С. 409 (Такой перевод термина подчеркивает равнозначность категорий «принцип» и «основа»).

³ Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М.: Юриздат, 1939. С. 206.

дельных уголовно-процессуальных принципов наблюдается некоторая незавершенность. Это явление представляется довольно закономерным, так как в действительности принципы не существуют обособленно друг от друга, а тесно связаны между собой, ввиду чего возникает особое правовое образование – система принципов уголовного судопроизводства. Следует подчеркнуть, что данная система обладает всеми общими признаками систем и вместе с тем имеет ряд особенностей, которые выявляются в каждом случае применения положений системного анализа при характеристике уголовно-процессуальной деятельности.

Вопрос об объединении принципов в систему неоднократно поднимался учеными-процессуалистами. Достаточно полно круг проблемных вопросов, связанных с системой уголовно-процессуальных принципов, был обозначен Н. Н. Полянским, а также рассмотрен в совместном труде Н. С. Алексеева, В. Г. Даева и Л. Д. Кокорева¹.

Система уголовно-процессуальных принципов может быть обозначена в качестве интегрированного в структурно упорядоченное единство комплекса нормативных предписаний высшей юридической силы, обладающих относительной самостоятельностью, стабильностью, автономностью функционирования и возможностью взаимодействия с другими элементами внутри системы и иными правовыми системами в целях наиболее полного урегулирования вопросов, возникаю-

щих в связи с возбуждением, расследованием, рассмотрением и разрешением уголовных дел.

Предмет учения о системе принципов представляет собой стройную систему положений. Неотъемлемым свойством такой системы является присущая ей структура, под которой понимаются ее строение и внутренняя форма организации, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между элементами, а также законов данных взаимосвязей².

Применительно к учению о системе уголовно-процессуальных начал структуру можно определить как совокупность форм и способов объединения положений, составляющих ее предмет, в единую систему и одновременно как совокупность форм и способов дифференциации учения на отдельные элементы, определение последовательности их исследования.

При этом положения, формирующие структуру учения, по их функциональному назначению можно условно подразделить на следующие группы.

1. Положения, имеющие теоретическое значение, составляющие фундамент учения. К ним могут быть отнесены вопросы, определяющие назначение учения о системе принципов в теории и практике уголовного судопроизводства, место и роль учения в юридической науке и среди иных наук, тенденции развития учения и перспективные направления его взаимодействия с иными учениями.

2. Правила, закрепленные в действующем законодательстве. Многие положения, относящиеся к учению о системе принципов, в настоящее время

¹ Полянский Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М. : АН СССР, 1960. С. 81–87 ; Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж : ВГУ, 1980. С. 37–48.

² Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Республика, 2001. С. 462.

закреплены в действующем законодательстве в виде норм различной юридической силы и степени общности. Исследование таких норм позволяет определять закономерности, присущие системе принципов как особому нормативному образованию, выявлять недостатки юридической техники, оценивать адекватность уровня обобщения норм-принципов, устанавливать правила взаимодействия норм-принципов в рамках единой системы, а также определять характер и степень влияния системы принципов на иные нормы, группы норм и институты, регламентирующие уголовное судопроизводство.

3. Положения, имеющие практическое значение. Как и любая иная система научных взглядов, учение о системе уголовно-процессуальных принципов вырабатывает конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения. В данном плане следует обозначить два уровня использования знаний, добытых в результате исследования уголовно-процессуальной проблематики. Так, в случае несоответствия законодательства положениям учения о системе принципов могут быть высказаны предложения по его модернизации. Кроме того, возможны ситуации, когда сформулированные в законе положения полностью отвечают теоретическим основам учения, однако происходят дефекты правоприменения, обусловленные как несовершенством нормативных правовых актов, так и негативной правоприменительной практикой. При этом рекомендации, выработанные в рамках учения о системе уголовно-процессуальных принципов, используются

для приведения нормативной базы, а также практики применения законов и иных актов в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации, иных законов и ратифицированных международных нормативных правовых актов.

4. Положения, которые могут быть использованы в смежных учениях теории уголовного судопроизводства, а также в других отраслях юридической науки и иных науках. К таким положениям можно отнести выводы о природе и сущности системных связей, рекомендации по обеспечению прав и свобод граждан в деятельности государственных органов, предложения по организации оптимального взаимодействия государственных структур, меры, направленные на достижение мировых стандартов в нормативном обеспечении правоохранительной и судебной деятельности, и др.

Таким образом, все вышеперечисленные группы системообразующих положений являются обособленными информационными множествами. Вместе с тем следует обратить внимание на тесные интегративные связи, объединяющие их на уровне учения о системе принципов в единое целое. В связи с этим можно сказать, что данные четыре группы положений являются системами более низкого порядка (подсистемами) по отношению к системе положений, составляющих структуру учения о принципах уголовного процесса.

На современном этапе развития учения о системе принципов уголовного процесса назрела обоснованная потребность структурировать его на Общую и Особенную части, поскольку в рамках учения можно достаточно

четко выделить общие теоретические положения и конкретные аспекты применения этих положений при производстве по уголовным делам.

К Общей части следует отнести элементы, которые своим содержанием охватывают все положения учения. Ее составляют следующие разделы: генезис и современное состояние учения о системе принципов уголовного процесса; перспективы дальнейшего развития учения; предмет и методология учения; структура и функции учения; понятийный аппарат учения; правовая природа принципов; структура системы принципов; типология системы принципов; параметры устойчивости системы принципов; содержание принципов – структурных элементов общей системы; соотношение между нормативным выражением принципов и их содержанием; место и роль каждого из принципов в их единой системе; взаимодействие принципов; соотношение системы принципов и цели уголовного судопроизводства; направления и способы взаимодействия системы принципов с иными системами.

В структуру Особенной части необходимо включить положения, характеризующие реализацию системы принципов на различных стадиях производства по уголовному делу. Например, на досудебной стадии: реализация системы принципов при поступлении повода к возбуждению уголовного дела и его проверке; реализация системы принципов при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении; реализация системы принципов при появлении в деле подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего; реализация системы принципов при применении мер уго-

ловно-процессуального принуждения; реализация системы принципов при окончании предварительного расследования.

Исходя из насущных потребностей теории и практики, в образовательных организациях высшего образования юридического профиля следует предусмотреть учебный курс «Система принципов уголовного процесса» с аналогичным разделением его на Общую и Особенную части. Кроме того, данную классификацию целесообразно ввести в научный и дидактический обиход путем ее отражения в соответствующих разделах учебно-методической литературы.

Для установления места и роли учения о системе принципов уголовного судопроизводства в юридической науке важным является вопрос о выделении его функций. В общенаучном смысле слова под функцией (от лат. *functio* исполнение, совершение) понимается внешнее проявление свойств какого-либо объекта в определенной системе отношений¹. Применительно к нашей проблематике функции могут быть определены как основные направления, по которым учение о системе принципов воздействует на теорию уголовного судопроизводства, правотворчество, правоприменительную практику, а также на уголовный процесс как учебную дисциплину.

Общепризнанно, что любому научному учению должны быть присущи следующие функции: фактофиксирующая, объяснительная, систематизирующая, эвристическая, прогностическая, праксиологическая и дидактическая. Однако следует иметь в виду, что дан-

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Республика, 2001. С. 526.

ные функции, будучи характерными и для учения о системе принципов уголовного процесса как неотъемлемой части юридической науки, вместе с тем наполняются специфическим содержанием, вытекающим из особого места и роли учения в теории уголовного судопроизводства.

Фактофиксирующая функция учения о системе принципов состоит в том, что ее реализация обеспечивает собирание и фиксацию фактов, относящихся к предмету исследования. Первоначальное накопление фактов нужно для создания исходных посылок учения, формирования проблемы и гипотезы исследования. Особенностью получения и фиксации фактов в рамках учения о системе принципов является необходимость их документальной констатации. Вначале такое документальное выражение обычно не выходит за пределы разработанных социологией методов. Как верно отмечает В. С. Зеленецкий, «...через описание, а, следовательно, и через фактофиксирующую функцию теория проявляет эмпирический аспект своей сущности»¹. Однако впоследствии происходит преломление полученной информации через понятийный аппарат учения, ее оценка с точки зрения отношения к предмету теории, упорядочение и, как результат, включение в общую систему знаний.

Объяснительная функция учения о системе принципов уголовного процесса логически вытекает из предыдущей и формирует следующий этап познания объективной реальности. Установление фактов, даже впослед-

ствии включенных в общую структуру учения, само по себе не может служить способом научного познания и тем более обеспечить научный результат. Для того чтобы это произошло, их следует сопоставить с имеющимся в арсенале учения инструментарием и, применив адекватные логические и иные специальные приемы, сформировать целостное представление о предмете учения, а также подтвердить или опровергнуть правильность теоретических выводов.

В итоге учение о системе уголовно-процессуальных принципов призвано пояснить, что представляет собой система принципов в качестве особого нормативного образования, как соотносятся между собой категории «принцип» и «назначение уголовного судопроизводства», какие признаки принципов следует относить к разряду критериев, как положения системы принципов воздействуют на принятие решений по уголовному делу, какие процессуальные нарушения вызывают негативную реализацию требований системы принципов, какими мерами законодательного и практического характера можно усилить надежность механизма позитивной реализации системы и др. Таким образом, в результате воплощения объяснительной функции дается теоретическое обоснование ранее полученных фактов, а результат интеграции теории и практики подлежит дальнейшему использованию в рамках иных функций учения.

Систематизирующая функция учения о системе принципов уголовного процесса направлена на упорядочение всех ранее установленных и зафиксированных фактов, обстоятельств, явлений и сформулированных на основе их исследования выводов. Особенность

¹ Зеленецкий В. С. Общая теория борьбы с преступностью. Концептуальные основы. Харьков : ХГУ, 1994. С. 128.

данной функции применительно к рассматриваемому учению состоит в том, что оно само по себе содержит много компонентов, имеющих системную составляющую: 1) системность самого учения как интеграции знаний о различных сторонах исследуемого объекта; 2) системность принципов как нормативных предписаний высокой степени общности; 3) системность интегративных связей между принципами.

Соответственно этому систематизирующая функция позволяет создать единую картину явлений и процессов как происходящих внутри сложной динамической системы уголовно-процессуальных принципов, так и возникающих в ходе формирования и развития соответствующего учения. Кроме того, поскольку система принципов является составной частью системы права, а учение о системе принципов – составной частью юридической науки, разработанные положения могут быть использованы и при характеристике внешних связей вышеуказанных систем (соответственно, с нормативной базой уголовного судопроизводства и с теорией уголовного судопроизводства).

Эвристическая функция учения о системе принципов уголовного процесса (от греч. *heuriskō* отыскиваю, открываю) обеспечивает творческий подход к предмету познания. В рамках реализации данной функции познанные массивы знаний отграничиваются от непознанных, определяются перспективные направления развития учения, тенденции совершенствования теории и практики.

При этом причины, побуждающие к отысканию новых знаний, могут быть различными. В ряде случаев фунда-

ментальные исследования в сфере уголовного судопроизводства побуждают законодателя пересмотреть действующее законодательство, в других же, наоборот, несовершенства нормативного обеспечения или практики правоприменения свидетельствуют о необходимости найти объяснение негативным явлениям и обосновать новую теоретическую концепцию.

Например, на уровне аналитических обобщений любое нарушение процедуры предварительного расследования условно может быть сведено к нарушениям положений УПК РФ. В этом случае действующее законодательство рассматривается как изначально данное, поэтому рекомендации могут быть направлены только на обеспечение наиболее рационального использования норм УПК РФ. Однако если рассматривать те же нарушения на научном уровне, ситуация значительно меняется. В числе причин недостаточной эффективности правоприменения могут быть обнаружены и недостатки самого УПК РФ, поэтому результат научного исследования выйдет за пределы действующего законодательства и вызовет необходимость его изменения. Для подтверждения такого изменения возникнет потребность обосновать его теоретически, что даст толчок развитию теории уголовного судопроизводства. После создания теоретической модели в результате использования научных выводов будут выявлены новые недостатки нормативного обеспечения, и вновь возникнет необходимость их устранения. Таким образом, эвристическая функция обеспечивает взаимный обмен информацией между теорией и практикой уголовного судопроизводства с целью отыскания но-

вых знаний и применения этих знаний для совершенствования законодательства и организации его оптимального применения.

Прогностическая функция учения о системе принципов уголовного процесса (от греч. *prognōsis* знание наперед, предвидение) выделяется в качестве самостоятельного направления, поскольку перед любым учением стоит важная задача предвидеть направления и перспективы развития социальных явлений и процессов. Научное прогнозирование базируется на информации, добытой в ходе выполнения описанных выше функций учения, и условно может быть разделено на теоретическую, нормативную и практическую составляющие.

Теоретическая составляющая прогностической функции позволяет определить перспективы развития самого учения о системе принципов, исходя из анализа предшествующих научных исследований, изучения изменений в обществе и государстве, новелл законодательства и изменения практики правоприменения. В результате определяются концептуальные направления развития науки, наиболее важные проблемы, стоящие на данном этапе ее развития, оценивается значимость результатов, которые могут быть получены. Так, исследование современного состояния учения о системе принципов уголовного процесса позволяет сделать вывод о необходимости формирования единого комплекса знаний о принципах как самостоятельного и перспективного направления юридической науки.

Нормативная сторона прогностической функции учения состоит в возможности при помощи теоретических

положений определять, какие последствия вызовут те либо иные изменения в действующем законодательстве, а также оценивать законопроекты с точки зрения их соответствия требованиям системы принципов. Например, значительные результаты могут быть получены при исследовании проекта УПК РФ путем моделирования конкретных ситуаций и их оценки на предмет соответствия конституционным и международным стандартам в сфере охраны прав и свобод человека.

Практический аспект прогностической функции учения о системе принципов уголовного процесса состоит в прогнозировании возможных недостатков правоприменения. В результате вырабатываются конкретные практические рекомендации, призванные устранить процессуальные нарушения и обеспечить правильное применение действующего законодательства на всех стадиях производства по уголовному делу.

Праксиологическая (практически-прикладная) функция учения о системе принципов уголовного процесса (от греч. *praktikos* деятельный) обеспечивает исследование практических вопросов учения и выработку предложений по разрешению проблем, возникающих при реализации положений системы принципов. При этом в рамках учения вырабатываются рекомендации по наиболее эффективному воплощению требований норм-принципов в конкретных процессуальных действиях и решениях, устанавливаются недостатки в обеспечении конституционных и международных стандартов уголовного судопроизводства и принимаются меры по их устранению, а также путем «обратной связи» выявляются потребности

практических работников в изменении теоретических положений учения о системе принципов и норм действующего законодательства.

Дидактическая функция учения о системе принципов уголовного процесса (от греч. *didaktikos* поучительный) обеспечивает внедрение разработок, добытых в результате научного познания, в учебный процесс. Тем самым посредством уяснения положений, относящихся к учению, формируется профессиональное правосознание юристов – выпускников юридических вузов, которые, работая в сфере уголовного судопроизводства, будут применять полученные знания на практике.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод,

что учение о системе принципов уголовного процесса является важным самостоятельным и перспективным направлением теории уголовного судопроизводства, обладающим собственным предметом, структурой и выполняющим специфическим образом характерные для учения функции. Кроме того, в настоящее время появилась настоятельная необходимость произвести фундаментальные теоретические исследования в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина, создать единое учение о системе принципов уголовного судопроизводства и обеспечить реальное воплощение его результатов в законодательство и правоприменительную практику.

Библиографический список

1. *Алексеев Н. С.* Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 252 с.
2. *Зеленецкий В. С.* Общая теория борьбы с преступностью. Концептуальные основы / В. С. Зеленецкий. – Харьков : Основа, 1994. – 321 с.
3. *Полянский Н. Н.* Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 2012 с.
4. *Строгович М. С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности / М. С. Строгович. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 151 с.

References

1. *Alekseev N. S., Daev V. G., Kokorev L. D.* Essay on the Development of the Science of the Soviet Criminal Process. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 1980. 252 p.
2. *Zeleneckij V. S.* General Theory of Combating Crime. Conceptual Framework. Har'kov. Osнова, 1994. 321 p.
3. *Polyanskij N. N.* Essay on the Development of Soviet Science in the Criminal Process. M., Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. 2012 p.
4. *Strogovich M. S.* The Nature of the Soviet Criminal Process and the Principle of Competition. M., Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYU SSSR, 1939. 151 p.

Гущин Сергей Владимирович

ДОМАШНИЙ АРЕСТ КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ: ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация. В статье проводится краткий анализ развития домашнего ареста как меры пресечения в уголовном процессе в России, а также выявляются проблемы его практического применения в различные исторические периоды.

Ключевые слова: домашний арест, подозреваемый, обвиняемый, суд.

Gushhin Sergej V.

Abstract. The article briefly analyses the development of house arrest as a pre-trial restriction in criminal procedure of Russia, and exposes the problems of its practical application in different historical periods.

Key words: house arrest, suspect, accused, court.

HOME ARREST AS A MEASURE OF CRIMINAL PROCEDURAL RESTRAINT: QUESTIONS OF BECOMING IN RUSSIA

Домашний арест – «мера процессуального принуждения, избираемая по решению суда в судебном заседании по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, в отношении обвиняемого, в исключительных случаях – подозреваемого, оказывающая воздействие путем существенного ограничения личной свободы (с сохранением права проживать в его жилище) и возложения запретов общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи»².

Историческое развитие домашнего ареста как меры пресечения начинается с 1862 г. Его первоначальная регламентация находит отражение в Уставе

уголовного судопроизводства 1864 г.³ В нем указывалось, что при избрании меры пресечения, в том числе и домашнего ареста, необходимо учитывать такие обстоятельства, как причастность лица к совершению преступления, тяжесть преступления, звание обвиняемого и большее или меньшее подозрение в намерении учинить побег. Домашний арест также характеризовался краткосрочностью и не превышал полугода. Данная мера пресечения применялась к людям сословного происхождения, а именно: дворянам, офицерским чинам и государственным чиновникам. При этом порядок отбывания наказания не был закреплен законодательно, что создавало существенные трудности в практике его применения.

© Гущин С. В., 2017

² Овчинников Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе. Омск, 2006. С. 43.

³ Свод законов Российской империи : в 16 т. Изд. 1914 г. Т. 15: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Петроград, 1914. Т. 16: Устав Уголовного судопроизводства.

Следующим историческим этапом развития домашнего ареста принято считать советский период. После Октябрьской революции 1917 г. система мер пресечения, закрепленная Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., была подвержена изменениям. Так, 30 сентября 1919 г. было принято Положение о военных следователях¹, закрепившее систему мер пресечения, в которую домашний арест не вошел. С принятием в 1922 г. первого советского уголовно-процессуального законодательства² данную меру пресечения вернули. В дальнейшем она была сохранена и в УПК РСФСР 1923 г. в гл. XII³. Кодекс определил, что домашний арест заключался в «лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому, с назначением стражи или без таковой». Как можно видеть, в законе уже в тот период было дано краткое определение понятия домашнего ареста, и появились некоторые черты его регламентации. Представляется, что использование института домашнего ареста осуществлялось по правилам, введенным Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Так, в советскую эпоху домашний арест применялся только в случаях, когда никто не пострадал физически. В основном к данной мере пресечения привлекались сплетники и клеветники. Названная мера, как и прежде, применялась главным образом к привилегированной группе лиц, занимающих видное положение в обществе.

¹ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры : сб. док. М., 1955. С. 109.

² СУ РСФСР. 1922. № 20-21, ст. 230.

³ СУ РСФСР. 1923. № 7, ст. 106.

В УПК РСФСР 1960 г.⁴ данная мера пресечения вновь не была включена. Этому способствовало изменение правовой парадигмы в сравнении с либеральными основами Устава уголовного судопроизводства 1864 г.: законодатель отдавал предпочтение традиционной мере пресечения в виде заключения под стражу.

В 90-е гг. XX в. началась подготовка к принятию нового УПК РФ, который в итоге был введен в действие с 1 июля 2002 г. В связи с этим рассматривался и вопрос о возвращении в него меры пресечения в виде домашнего ареста. Именно в данный период шла разработка норм, позволивших в дальнейшем ввести домашний арест в правовое поле. Новый УПК РФ содержал процессуальную регламентацию, где определялись понятие домашнего ареста и круг лиц, подлежащих аресту, а также основания, порядок применения меры пресечения. Ожидалось, что новая усовершенствованная мера пресечения будет применяться активно в процессуальной деятельности. Однако на основе статистических данных можно сделать вывод, что интерес к применению домашнего ареста постепенно снижался (в 2004 г. – 838 раз, 2005 г. – 518, 2006 г. – 829, 2007 г. – 205, 2008 г. – 88, 2009 г. – 146)⁵. В итоге данная мера пресечения с 2004 по 2009 г. применялась все реже и реже.

Среди причин сложившейся ситуации можно назвать следующие: недостаточно был урегулирован процессуальный механизм применения

⁴ Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

⁵ Соловьев И. Н. Проблемные вопросы исполнения домашнего ареста // Рос. следователь. 2010. № 13. С. 12.

меры пресечения; не были определены органы и должностные лица, осуществляющие надзор за обвиняемыми, находящимися под домашним арестом; не был решен вопрос о продлении сроков содержания лиц под домашним арестом.

В результате накопившихся вопросов, связанных с применением домашнего ареста в качестве меры пресечения, в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ были внесены изменения и дополнения. Благодаря указанным поправкам в УПК РФ было уточнено понятие «домашний арест», определены места исполнения данной меры пресечения, условия пребывания в них лиц, подвергаемых уголовному преследованию, срок домашнего ареста, а также основания и порядок его продления. Закреплена норма о том, что суд при наложении запрета и (или) ограничений должен учитывать данные о личности подозреваемого или обвиняемого, фактические обстоятельства совершенного деяния, а также тяжесть предъявленного обвинения.

Впоследствии в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением запретов и (или) ограничений, наложенных судом, было принято постановление Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных техниче-

ских средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений»².

В настоящее время наблюдается тенденция к увеличению числа случаев применения домашнего ареста как меры пресечения. Как свидетельствуют статистические сведения о работе федеральных судов и мировых судей, удовлетворено ходатайств об избрании домашнего ареста в 2010 г. – 668, в 2011 г. – 1 345, в 2012 г. – 1 705, в 2013 г. – 2 683, в 2014 г. – 3 333, в 2015 г. – 4 740. При этом нужно отметить, что в 2015 г. удовлетворено ходатайств о применении меры пресечения около 88 % от общего числа рассмотренных ходатайств. Для сравнения: в 2010 г. в суд направлялось 165 323 ходатайства о применении заключения под стражу, в 2015 г. этот показатель составил 154 066³.

Несмотря на то, что практика применения меры пресечения в виде домашнего ареста свидетельствует о наличии достаточного количества проблем, тем не менее можно утверждать, что на увеличение числа случаев применения домашнего ареста как меры пресечения повлияло принятие Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 28 дек. 2013 г.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодатель-

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 8, ст. 838.

³ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3383> (дата обращения: 15.03.2017).

¹ Рос. газ. 2011. 9 дек.

ные акты Российской Федерации» и постановления Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением по-

дозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений», которые значительно усовершенствовали законодательно меру пресечения в виде домашнего ареста.

Библиографический список

1. Корнукова Е. В. Конституционные основы правосудия по уголовным делам в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Елена Владимировна Корнукова. – Саратов, 2003. – 209 с.

2. Овчинников Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе / Ю. Г. Овчинников. – М. : Юрлитинформ, 2006. – 192 с.

3. Соловьев И. Н. Проблемные вопросы исполнения домашнего ареста / И. Н. Соловьев // Рос. следователь. – 2010. – № 13. – С. 11–14.

References

1. Kornukova E. V. Constitutional bases of justice in criminal cases in the Russian Federation. Saratov, 2003. 209 p.

2. Ovchinnikov YU. G. Home arrest as a measure of restraint in criminal proceedings. M., Yurlitinform, 2006, 192 p.

3. Solov'ev I. N. Problematic issues of execution of house arrest. *Rossijskij sledovatel'*. 2010. No. 13. P. 11–14.

Дядькин Олег Николаевич

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, посвященные понятию и сущности административной ответственности. С учетом положений Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда нормативных-правовых актов других государств вносится предложение об изменении закрепления и назначения административных наказаний в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: административная ответственность, административные наказания, наказания несовершеннолетних, исполнение штрафа.

Dyad'kin Oleg N.

SOME PROBLEMS OF THE ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF MINORS

Abstract. This article discusses some questions on the concept and essence of administrative responsibility. Subject to the provisions of the Criminal code of the Russian Federation and some legal acts of other States, the opinion is expressed about the change of consolidation and appointment of administrative punishment in respect of juvenile offenders.

Key words: administrative responsibility, administrative penalties, punishment of minors, execution of the penalty.

Административная ответственность, с одной стороны, – это один из видов публичной юридической ответственности, концентрируя в себе все признаки последней, а с другой – служит мерой административного принуждения, поскольку является следствием совершения виновным лицом административного правонарушения. Однако сопоставляя признаки административной ответственности и административного принуждения как части и целого, можно заключить, что ответственность не в полной мере обладает признаками принуждения. Так, административная ответственность всегда связана с административным правонарушением, а принуждение возможно и в отсутствие административно-правового деликта. Кроме того, административная ответственность

есть дополнительная обязанность, применяемая к виновному лицу, если оно не исполнило первоначальной обязанности. Например, несвоевременная уплата административного штрафа приводит к назначению административного наказания в соответствии с санкцией ч. 1 ст. 20.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее: КоАП РФ). В случае неисполнения свидетелем обязанности явиться на рассмотрение дела об административном правонарушении без уважительных причин данный участник производства подвергается приводу, который не будет проявлением административной ответственности, поскольку данная мера – это не дополнительная обязанность, оно служит принуждением для исполнения лицом первого предписания.

Вместе с тем административная ответственность в отдельных случаях фактически наступает не с момента вынесения постановления о назначении административного наказания, а с начала применения иных мер административного принуждения. Например, срок административного задержания засчитывается в срок административного ареста. Из этого следует, что отбывание административного ареста как вида наказания будет исчисляться фактически с начала течения срока административного задержания.

В отличие от уголовной ответственности субъектами административной ответственности могут выступать физические и юридические лица. При этом нижний порог возраста, с которого физическое лицо становится субъектом административного правонарушения, должен быть не ниже 16 лет. Это один из признаков общего субъекта административно-правового деликта. В этой связи необходимо заметить, что на протяжении последних трех лет отмечается тенденция к снижению количества преступлений, совершенных несовершеннолетними. Уменьшение количества правонарушений, совершенных подростками, зафиксировано на территории всех федеральных округов, а также в 70 субъектах страны. Вместе с тем в 2014 г. отмечено увеличение до 23,3 % доли тяжких и особо тяжких составов в общем массиве подростковой преступности¹.

На наш взгляд, административная ответственность выступает средством

предупреждения не только административных правонарушений, но и преступлений. С этих позиций необходимо выделить особенности административной ответственности несовершеннолетних. Несовершеннолетним считается физическое лицо, которому на момент совершения правонарушения исполнилось 16 лет, но оно не достигло 18-летнего возраста. Сложности с установлением ответственности за административные правонарушения лицом, не достигшим совершеннолетия, связаны с отказом законодателя закрепить в КоАП РФ извлечения (исключения) административной ответственности применительно к категории несовершеннолетних.

Например, гл. 9 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях посвящена исключительно вопросам административной ответственности несовершеннолетних². Указанное правило соблюдается и в уголовном законе Российской Федерации, который уделил уголовной ответственности несовершеннолетних самостоятельный раздел – разд. V.

Анализ норм общих положений КоАП РФ, касающихся административных наказаний и правил их назначения в отношении несовершеннолетних, позволяет сделать следующие выводы.

1. Из закрепленных в гл. 3 КоАП РФ административных наказаний нельзя назначать в отношении лиц, не достигших 18 лет, административный арест и дисквалификацию. Если административный арест не применим, исходя из

¹ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2014 году. URL: http://mvd.ru/Deljatelnost/results/annual_reports (дата обращения: 25.12.2015).

² Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V. URL: https://reports.nline.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399#sub_id=10000 (дата обращения: 21.03.2017).

содержания ст. 3. КоАП РФ, то дисквалификация допустима только в отношении гражданских и муниципальных служащих, а также лиц, работающих в органах управления юридического лица. К числу последних необходимо относить только совершеннолетних.

2. Административный штраф является самым распространенным административным наказанием. Этот факт связан не только с тем, что он предусмотрен практически в каждой санкции административного правонарушения, но и с тем, что его назначать имеет право судья, коллегиальный орган или должностное лицо. При этом следует учесть, что штрафы пополняют бюджеты всех уровней. Однако его размеры выглядят, на наш взгляд, завышенными и неисполнимыми, особенно применительно к несовершеннолетним правонарушителям. Так, в отношении граждан (общих субъектов правонарушения) верхний предел административного штрафа может достигать 5 тыс. руб., а за отдельные правонарушения – значительно больше. В соответствии с ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ размер штрафа может достигать 300 тыс. руб. (ч. 4 ст. 20.2 «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования»). Это в полной мере влияет на исполнение решений о привлечении виновных лиц к административной ответственности.

Мы полагаем, что административный штраф следует назначать в отношении несовершеннолетних избирательно. При этом необходимо обращать внимание на наличие самостоятельного заработка у данного лица. По нашему убеждению, передача

обязанности по уплате штрафа с несовершеннолетнего нарушителя, не имеющего самостоятельного дохода, на его родителей не способствует достижению цели административного наказания. Любой вид юридической ответственности представляет собой кару, которая выражена в претерпевании нарушителем определенных правоограничений. Претерпеть в данном контексте означает вытерпеть, перенести, пережить лишения; подвергнуться чему-нибудь¹. В нашем же случае деликвент не испытывает названных лишений, в связи с чем полагаем, что родители не обязаны оплачивать штраф за правонарушения, совершенные их детьми.

В соответствии с вышеизложенным предлагаем использовать возможности обязательных работ, которые заключаются в выполнении физическим лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. Учитывая, что каждая трудовая деятельность имеет расценки, то при назначении штрафа несовершеннолетнему лицу, не имеющему самостоятельного заработка, его можно заменить на обязательные работы, исходя из их стоимости. Например, оплата 1 часа работ составляет 200 руб., нарушителю назначен штраф в размере 4 тыс. руб. Значит, обязательные работы в нашем случае составят 20 часов, т.е. их оплата эквивалентна размеру назначенного штрафа.

3. Система административных наказаний включает в себя 10 элементов, из которых 8 можно применить в от-

¹ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2008. С. 783.

ношении несовершеннолетнего лица, совершившего административное правонарушение. Мы считаем необходимым закрепить нижних и верхних пределов административных наказаний в отношении правонарушителей, не достигших 18-летнего возраста, являющихся меньшими в сравнении с размерами административных наказаний по общему правилу.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим

выводам. Административная ответственность несовершеннолетних – это разновидность публично-правовой ответственности, выраженная в претерпевании лицом в возрасте от 16 до 18 лет закрепленных во вступившем в юридическую силу процессуальном документе о назначении административного наказания правоограничений личного или имущественного характера за совершенное им административное правонарушение.

Библиографический список

1. Бикситова Ж. А. Особенности административной ответственности несовершеннолетних в системе ювенального права России / Ж. А. Бикситова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2007. – № 3. – С. 38–42.

2. Полякова Н. В. Проблемы административной ответственности несовершеннолетних / Н. В. Полякова, Антонова А. Б. // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2016. – № 1. – С. 166–171.

3. Ратова А. А. Проблемы административной ответственности несовершеннолетних / А. А. Ратова // Духов. ситуация времени. Россия XXI век. – 2015. – № 2. – С. 59–61.

References

1. Biksitova Zh. A. Features of Administrative Responsibility of Minors in the System of Juvenile Law of Russia. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. No. 3. P. 38–42.

2. Polyakova N. V., Antonova A. B. Problems of Administrative Responsibility of Minors. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2016. No. 1. P. 166–171.

3. Ratova A. A. Problems of Administrative Responsibility of Minors. Duhovnaya situaciya vremeni. Rossiya XXI vek. 2015. No. 2. P. 59–61.

Звонов Андрей Викторович

**ПРОЦЕССЫ ВЛИЯНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА
НА СИСТЕМАТИЗАЦИЮ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ**

Аннотация. В статье подвергаются анализу критерии кары уголовных наказаний и их влияние на построение лестницы последних. Автор акцентирует внимание на субъективных факторах, влияющих на содержание кары конкретных наказаний, в частности, рассматривает личное отношение сотрудников субъектов исполнения назначенного наказания к осужденному. В заключение обращается внимание на необходимость учета субъективизма как фактора систематизации уголовных наказаний, что подтверждается объективной реальностью.

Ключевые слова: система уголовных наказаний, кара, содержание, элементы, объективные факторы, субъективные факторы, субъект исполнения наказания, сотрудник.

Zvonov Andrej V.

**PROBLEMS OF THE INFLUENCE OF THE SUBJECTIVE FACTOR ON THE
SYSTEMATIZATION OF CRIMINAL PUNISHMENTS**

Abstract. In article are analyzed the criteria of punishment of criminal punishments and their influence on the construction of their ladders. The author focuses on the subjective factors influencing the specific content of punishment punishment, in particular, considering the personal attitude of employees of subjects of execution of the punishment for the convicted. In conclusion, attention is drawn to the need to consider subjectivity as a factor of systematization of criminal punishment, which is confirmed by objective reality.

Key words: the system of criminal penalties, punishment, content, elements, objective factors, subjective factors, the subject of the sentence enforcement, officer.

Вопросы надлежащего обеспечения уголовной политики государства в отношении лиц, преступивших закон, являются повседневными и, следовательно, актуальными. Эффективность ее реализации непосредственно влияет на организацию реакции государства в связи с нарушением норм уголовного закона. Государственное воздействие на лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, выражается в применении к ним мер уголовно-правового воздействия на основании уголовного законодательства Российской Федерации. В соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ для решения задач отечественного уголовного закона устанавливаются виды уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, которые являлись объектом исследо-

вания многих ученых¹. Представленные элементы являются составными частями системы мер уголовно-правового характера, они же образуют соответствующие подсистемы, при этом в силу объективных обстоятельств основополагающая роль в данной системе отводится именно подсистеме уголовных наказаний.

Реализация уголовных наказаний не может иметь хаотичный характер, они должны быть строго систематизированы. При этом данная систематизация должна иметь логично построенный базис. В основе современных взглядов

¹ Акутаев Р. М. Понятие и система мер уголовно-правового характера, их отличие от наказания // Рос. юстиция. 2014. № 4. С. 44–48 ; Дугин А. Т. Понятие и виды ответственности // Там же. 2009. № 9. С. 21–23 ; Трунцевский Ю. В. Меры уголовно-правового воздействия: понятие и виды // Там же. 2015. № 5. С. 29–32 и др.

лежит подход, согласно которому лестница уголовных наказаний строится исходя из карательного потенциала самих уголовных наказаний¹, в качестве которого в юридической литературе, как правило, рассматривается система ограничений и лишений, предусмотренных конкретным уголовным наказанием.

Данный подход является весьма узким. Считаем необходимым представить систему факторов построения лестницы уголовных наказаний гораздо шире. Помимо прочих, следует учитывать и субъективные факторы, среди которых не последнее значение имеет личное отношение сотрудников субъекта исполнения назначенного наказания к осужденному, что обусловлено фактом исполнения уголовных наказаний не механизмами, а людьми.

Субъективный фактор может оказывать достаточно сильное воздействие. Это находит проявление в части создания как привилегированных условий отдельным категориям осужденных или их представителям, так и условий негативного характера. При этом полномочия сотрудника необязательно должны выходить за рамки его служебных полномочий.

Проведенное анкетирование сотрудников субъектов исполнения уголовных наказаний показало следующие результаты: 64 % проанкетированных лиц считают, что субъективное отношение сотрудника имеет большое значение в процессе исполнения наказания; 31 % признали данный элемент несостоятельным, а 5 % затруднились ответить. При этом непосредственный опрос сотрудников позволил выявить более

внушительные показатели: 91 % подтвердили значимость рассматриваемого элемента карательного потенциала наказания, а 9 % все же не согласились с его наличием². На наш взгляд, такая разница в результатах обусловлена нежеланием респондентов отражать свое реальное мнение в письменной форме в связи со страхом перед возможными служебными проблемами. Кстати, некоторые респонденты подтвердили отмеченное в ходе опроса.

В зависимости от конкретного субъекта исполнения наказания факторы субъективного характера имеют отличия, что связано с условиями деятельности сотрудников. В большей степени выявленное подтверждение нашло отражение в учреждениях, исполняющих наказания, связанные с изоляцией осужденных от общества, поскольку достаточно жесткие условия содержания не могут не отражаться на персонале, их обеспечивающем.

В контексте рассматриваемой проблемы опять встает вопрос о пресловутой профессиональной деформации, которая является практически неизбежной в профессиональной деятельности человека. Специалистами в данной сфере отмечается, что этот процесс происходит независимо от воли и желания человека, причем в большей степени данному процессу подверже-

¹ См., напр., *Баженов О. Н.* Наказание в виде штрафа: проблемы законодательного закрепления, назначения и исполнения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 17–18.

² Анкетирование и опрос были проведены в 13 субъектах Российской Федерации: республики Бурятия, Дагестан, Карачаево-Черкесия, г. Москва, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Костромская, Липецкая, Московская, Нижегородская и Рязанская области. В них приняли участие 780 представителей суда, прокуратуры, правоохранительных органов и Минобороны России: 70 судей, 120 сотрудников прокуратуры, 420 сотрудников ФСИН России, 95 сотрудников ФССП России, 20 сотрудников Минобороны России и 55 сотрудников МВД России.

ны люди, имеющие низкий интеллектуальный уровень, в связи с чем они психологически менее защищены от такого воздействия¹. Сотрудники таких субъектов исполнения уголовных наказаний, как суд, уголовно-исполнительные инспекции, служба судебных приставов-исполнителей, командование воинских частей, – это лица, имеющие высшее образование, иногда даже не одно, или ученую степень. В свою очередь, персонал исправительных учреждений, дисциплинарных воинских частей и гауптвахт – это не только лица офицерского состава, но и рядового, и сержантского часто, не имеющие высшего образования. К этому необходимо добавить и спецконтингент, с которым работают представители указанных органов и учреждений. Вновь последняя группа сотрудников не выглядит привилегированной категорией на общем фоне. Осужденные, отбывающие наказания в местах принудительной изоляции, направляются туда за совершение не мелких краж, а достаточно серьезных преступлений. Они обладают своей субкультурой, которая имеет свою мораль, систему ценностей и норм, противостоящую ценностям общества². Соответственно, и менталитет данной группы отличается от осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества. Все это влияет на личность сотрудника, работающего в указанных условиях и, как следствие, оказывает воздействие

как на него, так и на окружающих его лиц³, что в рассматриваемом контексте имеет более существенное значение. Таким образом, мы можем констатировать, что сотрудники уголовно-исполнительных инспекций и службы судебных приставов, исполняющие наказания без изоляции от общества, менее подвержены негативному воздействию специфических особенностей своей служебной деятельности.

Особенности деятельности сотрудников правоохранительных органов содержат аспекты, отрицательно воздействующие на них, что нередко проявляется в различного рода нарушениях: от нарушений законодательства до пренебрежения служебной дисциплиной и профессионально-этическими нормами. «Получив в руки жезл сотрудника правоохранительного органа, он может использовать полученную власть не во благо людей, не для защиты их от преступных посягательств, а для удовлетворения собственных карьерных амбиций и личного обогащения»⁴.

Конечно, нам могут возразить, сказав, что личное отношение сотрудников к осужденным фактически во многих случаях может означать наличие неформальных связей между представителями администрации ис-

¹ Вакула И. М., Зубарева А. В. Гуманитарная составляющая в профессиональном образовании сотрудников органов внутренних дел как способ борьбы с профессиональной деформацией // Философия права. 2014. № 4(65). С. 106.

² Титов И. В. Преступная субкультура и профессиональная деформация сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохран. органах. 2001. № 2. С. 67.

³ Прядеин В. П., Кожевникова Н. В. Ответственность, ответственная зависимость и профессиональная деформация у сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3. С. 83 ; Стригуненко Ю. В. Профессионально-нравственная деформация личности сотрудника ОВД как девиантогенный фактор // Ист. и соц.-образоват. мысль. 2012. № 4. С. 171.

⁴ Агамиров К. В. Профессиональная деформация нравственных принципов сотрудника правоохранительных органов // Человеческий капитал. 2014. № 2(62). С. 138.

правительного учреждения и спец- ществу, и оспаривать его наличие, на контингентом, что, в свою очередь, наш взгляд, означает игнорирование недопустимо. Однако данный факт су- реальной обстановки.

Библиографический список

1. Агамиров К. В. Профессиональная деформация нравственных принципов сотрудника правоохранительных органов / К. В. Агамиров // Человеч. капитал. – 2014. – № 2(62). – С. 137–146.
2. Акутаев Р. М. Понятие и система мер уголовно-правового характера, их отличие от наказания / Р. М. Акутаев // Рос. юстиция. – 2014. – № 4. – С. 44–48.
3. Баженов О. Н. Наказание в виде штрафа: проблемы законодательного закрепления, назначения и исполнения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Баженов Олег Николаевич. – М., 2013. – 35 с.
4. Вакула И. М. Гуманитарная составляющая в профессиональном образовании сотрудников органов внутренних дел как способ борьбы с профессиональной деформацией / И. М. Вакула, А. В. Зубарева // Философия права. – 2014. – № 4(65). – С. 106–109.
5. Дугин А. Т. Понятие и виды ответственности / А. Т. Дугин // Рос. юстиция. – 2009. – № 9. – С. 21–23.
6. Прядеин В. П. Ответственность, ответственная зависимость и профессиональная деформация у сотрудников правоохранительных органов / В. П. Прядеин, Н. В. Кожевникова // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2006. – № 3. – С. 81–83.
7. Стригуненко Ю. В. Профессионально-нравственная деформация личности сотрудника ОВД как девиантогенный фактор / Ю. В. Стригуненко // Ист. и соц.-образоват. мысль. – 2012. – № 4. – С. 169–172.
8. Титов И. В. Преступная субкультура и профессиональная деформация сотрудников ОВД / И. В. Титов // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2001. – № 2. – С. 66–70.
9. Трунцевский Ю. В. Меры уголовно-правового воздействия: понятие и виды / Ю. В. Трунцевский // Рос. юстиция. – 2015. – № 5. – С. 29–32.

References

1. Agamirov K. V. Professional Deformation of the Moral Principles of a Law Enforcement Officer. *CHelovecheskij kapital*. 2014. No. 2(62). P. 137–146.
2. Akutaev R. M. The Concept and System of Criminal Law Measures, their Difference from Punishment. *Rossijskaya yusticiya*. 2014. No. 4. P. 44–48.
3. Bazhenov O. N. Penalty in the Form of a Fine: Problems of Legislative Consolidation, Appointment and Execution. М., 2013. 35 p.
4. Vakula I. M. The Humanitarian Component in Professional Education of Employees of Law Enforcement Bodies as a way to Combat Professional Deformation. *Filosofiya Prava*. 2014. No. 4(65). P. 106–109.
5. Dugin A. T. Concept and Types of Responsibility. *Rossijskaya Yusticiya*. 2009. No. 9. P. 21–23.
6. Pryadein V. P. Responsibility, Responsible Dependence and Professional Deformation of Law Enforcement Officers. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*. 2006. No. 3. P. 81–83.
7. Strigunenko YU. V. Professional-moral Deformation of the Personality of an ATS Officer as a Deviantogenic Factor. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2012. No. 4. P. 169–172.
8. Titov I. V. Criminal Subculture and Professional Deformation of Employees. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*. 2001. No. 2. P. 66–70.
9. Truncevskij YU. V. Measures of criminal-legal influence: concept and types. *Rossijskaya yusticiya*. 2015. No. 5. P. 29–32.

**Колданов Максим Анатольевич,
Гачава Мария Леонтьевна**

**ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ
ДЕЯНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТ. 158 УК РФ**

Аннотация. В статье рассмотрен один из самых распространенных видов имущественных преступлений в отношении граждан – тайное хищение чужого имущества, а именно кража. Рассмотрены факторы, способствующие совершению краж: изучены особенности личности обвиняемых в совершении краж, их социально-психологические свойства и качества; проанализированы мотивы совершения преступлений.

Ключевые слова: кража, криминологическая характеристика, преступник.

**Koldanov Maxim A.,
Gachava Maria L.**

**PERSONALITY OF THE CRIMINAL WHO COMMITTED A SOCIALLY
DANGEROUS ACT, PROVIDED FOR BY ART. 158 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article considers one of the most common types of property crimes against citizens is the secret theft of another's property is theft. Examines the factors contributing to the Commission of thefts, investigated the identity of the accused in the Commission of thefts of their socio-psychological properties and qualities. Disassembled the motives for the crimes.

Key words: theft, criminological characteristics, criminal.

Понятие «кража» содержится в ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особенности расследования краж определяются их криминологической характеристикой, охватывающей само преступное деяние, способы его приготовления, совершения и сокрытия, механизм следообразования, личностные особенности субъекта преступления и потерпевшего, а также имеющиеся связи между перечисленными элементами.

Изучение криминологической характеристики лиц, совершающих тайное хищение чужого имущества, имеет особое значение для установления личности неустановленного преступника, кроме того, позволяет сузить

круг версий о мотиве, способе и цели совершения кражи, месте нахождения украденного имущества.

Характеристика лиц, совершающих кражи, включает в себя сведения о нравственно-психологических, уголовно-правовых, социально-демографических и иных признаках, имеющих особое значение для расследования преступлений. Изучение личности преступника всегда находится в центре внимания не только психологов, но и ученых-криминалистов.

Под личностью преступника принято понимать совокупность его социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями (си-

туацией) на его преступное поведение¹. Вместе с тем выделение преступников из обычных людей производится в основном на основе юридического критерия, а именно факта совершения лицом преступления.

Однако делать выводы, основываясь только на юридическом критерии, будет неверно, так как учет социальных факторов дает основание рассматривать преступление как нестыковку поведения личности с обществом. Именно такое понимание личности служит базой для обоснования необходимости и возможности предупредительного воздействия на личность, которое связывается с задачами нейтрализации, ослабления, а по возможности даже ликвидации отрицательных качеств за счет опоры на положительные свойства личности².

В криминологии в основу классификации типов корыстных преступников положены различные дифференцирующие критерии, как то: возраст, социальный статус, готовность к выбору варианта преступного поведения, развитие нравственной деформации личности, антиобщественная ориентация и др.

Любой преступник, совершивший преступление имеет определенный социальный тип личности, является носителем определенных социально-психологических черт и свойств, общих, устойчивых, существенных. Специфика личности как типа заключается в том, что в ней имеются особенности, которые выступают в качестве

внутренних психологических причин поведения человека, толкнувших его к совершению данного рода преступления. Любое совершенное преступление в своей основе явилось следствием социальных, нравственных, социально-психологических свойств личности.

Лица, совершающие данного рода преступления, имеют признаки нравственного падения, пристрастия к алкоголю и духовной опустошенности, их можно разделить на несколько групп:

– примитивные преступники – это те, кто совершают кражи без использования различного рода технических средств, заранее не готовясь к ним. Указанные кражи совершаются по внезапно возникшему умыслу, когда обстановка совершения кражи не требует подготовительных мероприятий. Например, когда вещи оставлены без присмотра, не заперта дверь в квартиру, автомашина не оборудована охранной сигнализацией и т. д.;

– квалифицированные преступники – лица с устойчивой антиобщественной установкой, обладающие определенными навыками и совершающие кражи тщательно продуманным способом, с использованием орудий преступления. Такие преступники склонны к использованию одних и тех же приемов, например, совершение краж путем подбора ключа, отмычек. Как правило, это ранее судимые лица за кражи или иные преступления против собственности;

– профессиональные воры – это те лица, которые совершают кражи, являющиеся для них основным источником доходов, в силу устойчивой антиобщественной направленности. Ранее все они были судимы за аналогичные преступления. Обладая преступными навыками и опытом, они

¹ Алексеев А. И. Криминология : курс лекций. М., 1998. С. 84.

² Петров Э. И. Криминология. Модуль 2: Преступность и ее детерминанты, личность преступника: рабочий учеб. М., 2004. С. 33.

стараются совершать кражи каким-либо хорошо подготовленным и отработанным способом и специализируются только на совершении квартирных или карманных краж.

Для некоторых видов краж (квартирные, кражи автотранспорта, карманные кражи и др.) характерен высокий уровень групповой преступности. В зависимости от степени сплоченности, устойчивости, наличия связей и масштаба преступной деятельности можно выделить три типа групп: местная преступная группа, региональная и межрегиональная.

В настоящее время в условиях экономического кризиса и увеличения уровня безработицы проведенный анализ лиц, совершивших имущественные преступления, имеет важное значение и для определения возможности отражения экономической ситуации в стране на уровень преступности.

Авторами был проведен анализ характеристики лиц, совершивших кражи на территории Суздальского района Владимирской области в 2015 г. В результате проведенного исследования были изучены 134 уголовных дела и выявлены следующие закономерности.

Пол. 93 % краж совершили лица мужского пола и только 7 % – женщины. Женщины в основном являются пособниками исполнителей, организаторами краж, подстрекателями и лишь иногда действуют самостоятельно.

Возраст. Несовершеннолетними от 14 до 18 лет было совершено 9 краж (4,7 %); лицами в возрастной категории от 18 до 29 лет – 58 краж (43,2 %); 42 кражи совершено лицами в возрасте от 30 до 39 лет (31,3 %); лицами в возрастной категории от 40 до 49 лет – 16 краж (12 %) и лицами в возрасте

50 лет и старше – 9 краж (6,7 %). Таким образом, наибольшее количество краж совершается лицами в возрастной категории от 18 до 29 лет.

Уровень образования. 48 % краж совершаются лицами со средним общим образованием; 32 % – лицами, имеющими среднее профессиональное образование; 11 % – лицами с начальным образованием; 2 % краж – лицами, имеющими высшее образование.

Судимость. Основная масса лиц, совершающих кражи, ранее были судимы за аналогичные преступления. Общий процент таких лиц составляет 68 %, из них мужчины – 69 %, женщины – 56 %, несовершеннолетние – 28 %).

Занятость. Основная масса преступников, совершивших кражи (82 %), относятся к числу неработающих, не имеющих постоянного источника дохода. Краденное имущество они сбывают, отсюда образуется временный доход. В связи с этим можно заключить, что нежелание работать, недостаток средств, ведение праздного образа жизни являются основными мотивами совершения преступлений.

Место жительства. Из числа изученных лиц не имеют постоянного места жительства 10 %.

Совершение преступления в составе группы. 29 % краж были совершены группой лиц. Если рассматривать отдельно несовершеннолетних, то процент краж, совершенных данной группой лиц, возрастает до 78%¹. Причины этого, по мнению авторов, кроются в следующем.

¹ Статистические сведения ОМВД России по Суздальскому району за 2015 г. URL: <https://33.бвд.рф> / (дата обращения: 15.03.2017).

В подростковом возрасте на первый план выходит общение со сверстниками. Подросткам необходимо влиться в компанию, быть принятыми сверстниками и одновременно отстаивать свои права перед родителями – наиболее характерные черты поведения для подростков. Важными критериями для подростков являются: общение, нахождение в выбранной ими группе, учтивание норм и правил группы, отношение к ним сверстников. Это может выражаться в стремлении следовать определенному музыкальному стилю, одеваться в определенную одежду, если такая мода у сверстников. То есть выражать себя выбранным, доступным ему способом, заручившись поддержкой значимой для него группы. Здесь материальный фактор выступает как способ соответствия, средство

для легкого вхождения в коллектив сверстников¹.

Соответственно, попадание подростка в группу сверстников, в которой преобладает склонность к совершению преступлений, таких как кражи, а также отсутствие у него необходимых материальных ресурсов для легкого вхождения в коллектив толкают его на совершение преступлений.

В целом, подводя итоги изучения уголовных дел лиц, совершивших кражи имущества, можно констатировать, что кражи чаще всего совершаются лицами мужского пола в возрасте от 18 до 29 лет, имеющими среднее профессиональное образование, ранее судимыми за аналогичные преступления, имеющими постоянное место жительства, не имеющие постоянного заработка, работы.

¹ Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения : учеб. пособие для вузов / Ю. А. Клейберг. М., 2001.

Библиографический список

1. Алексеев А. И. Криминология : курс лекций / А. И. Алексеев. – М. : Щит-М, 1998. – 336 с.
2. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения : учеб. пособие для вузов / Ю. А. Клейберг. – М. : Сфера : Юрайт, 2001. – 160 с.
3. Петров Э. Г. Криминология. Модуль 2: преступность и ее детерминанты, личность преступника : рабочий учеб. / Э. И. Петров. – М. : РосНОУ, 2004. – 56 с.

References

1. Alekseev A. I. Criminology. M., SHCHit-M, 1998. 336 p.
2. Klejberg YU. A. Psychology of deviant behavior. M., Sfera : YUrajt, 2001. 160 p.
3. Petrov EH. G. Criminology. Module 2: crime and its determinants, the offender. M., RosNOU, 2004. – 56 p.

Галиев Эльдар Нариманович

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕТОУБИЙСТВО В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена становлению отечественного уголовного законодательства о детоубийстве. Автор, на примере анализируя законодательные акты, различных исторических периодов показывает, какие изменения претерпевал феномен детоубийства, а также как с течением времени менялось общественное мнение по этому вопросу.

Ключевые слова: детоубийство, мать, новорожденный ребенок, малолетний, привилегированный состав преступления.

Galiev El'dar N.,

HISTORICAL ASPECTS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR INFANTICIDE IN RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the development of the domestic criminal legislation on infanticide. The author, analyzing the legislative acts of various historical periods, shows how the phenomenon of infanticide has undergone changes, and how public opinion has changed over time.

Key words: infanticide, a mother, a newborn child, juvenile, a privileged offense.

Новелла такого общественно опасного деяния, как убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, предусмотренная ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ), относится к привилегированному составу преступления. История становления развития законодательства о детоубийстве показывает, что на разных этапах его существования к данному феномену относились по-разному, в связи с чем детоубийство признавалось отечественным законодателем привилегированным, квалифицирующим и простым составом преступления.

Мнения ученых в части отнесения детоубийства к тому или иному составу преступления в процессе его исторического развития не отличаются единообразием: одни считают, что это преступление должно быть отнесено к квалифицированному составу, другие – к привилегированному. Есть и такие авторы, которые рассматривают его как простое убийство. В связи с этим сегодня в уголовном законодательстве отсутствует единый подход к преодолению данной проблемы.

По нашему мнению, для того чтобы найти пути решения данного вопроса, необходимо понять социально-правовое отношение к детоубийству в разные исторические периоды.

С этой целью нами были проанализированы различные законодательные акты, касающиеся детоубийства, среди них: Церковный устав Владимира, составленный им в конце X – начале XI в.,

Церковный устав Ярослава, датированный XII в., Соборное уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г., Проект Уложения 1813 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., Уголовное уложение 1903 г., УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1960 г., УК РФ 1996 г.

В Древней Руси об ответственности за детоубийство говорилось в Церковных уставах первых христианских князей Владимира и Ярослава. По мнению Е. И. Грубовой, в то время понятие «детоубийство» охватывало не только убийство матерью новорожденного ребенка, а рассматривалось шире, включая и убийство младенца родителями¹. Так, Церковный устав Владимира наделял судебной властью церковь. В ст. 9, в частности, говорится: «А се церковнии суди: распуст, смилное, заставанье, пошибанье, умычка, промежи мужем и женою о животе, в племени или в сватъстве поимуться, ведъство, зелииничьство, потвори, чародеяния, волхвованя, урекания три: бляднею и зельи, еритичьство, зубоежа, или сын отца бьетъ, или мать, или дчи, или снъха свекровь, братья или дети тяжются о задницу, церковная татба, мертвеци сволчатъ, крест посекуть или на стенах режють, скот или псы, или поткы без великы нужи въведет, или ино что неподобно церкви подееть, или два друга иметася бити, единого жена иметь за лоно другаго и

роздавить, или кого застануть с четвероножиною, или кто молиться под овином, или в рощеньи, или у воды, или девка дѣтя повържетъ»².

В данной статье говорится о производстве искусственного выкидыша плода незамужней девушкой. Продолжает развивать уже заложенную князем Владимиром идею о детоубийстве князь Ярослав. Стаття 6 Церковного устава Ярослава гласит: «Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудеть, да погубить, или в свиньи ввержетъ, или утопить, обличивши, пояти (и) в дом церковный, а чим ю паки род окупить»³. Как мы видим, данная статья упоминает о производстве искусственного выкидыша плода, а также выделяет в рамках одной статьи виды детоубийств, объектом посягательства которых являлись внебрачные дети. По законодательству того времени убийство детей длительное время не считалось преступным актом, а признавалось церковью грехом⁴. При этом, сто считать грехом, определяла церковь, а что преступлением – государство. Однако церковь любое преступление считало грехом, но не каждый грех государство признавало преступлением. Между тем сильное влияние церкви на общество в то время способствовало формированию общественного отношения к жизни младенца как к собственности его родителей, и в их власти было решать, жить ему или нет. Это подтверждается законами: за детоубийство не наказывали,

¹ Грубова Е. И. Ретроспективный анализ дореволюционного российского уголовного законодательства об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // История государства и права. 2008. № 13. С. 20.

² Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / под ред. В. Л. Янина. С. 149.

³ Там же. С. 190.

⁴ Грубова Е. И. Указ. соч. С. 20.

вали, а лишь налагали на детоубийц «епитимью»: 4 000 поклонов с соблюдением постов с временными рамками до 6 недель, либо их забирали в дом церковный¹.

В период образования и укрепления Русского централизованного государства было принято Соборное уложение 1649 г. Данный законодательный акт уже признавал детоубийство прежде всего преступлением, а потом уже грехом. Документ предусматривал уголовное наказание за детоубийство и устанавливал за совершение данного преступного деяния тюремное заключение сроком на один год. Совершив такое преступление, человек сначала должен был ответить перед законом, а уже потом – перед церковью за свой грех. В ст. 3 гл. XXII говорилось: «А будет отец или матери сына или дочь убьет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходиться им к церкви божии, и у церкви божии объявлять тот свой грех всем людям вслух, а смертью отца и матери за сына и за дочь не казнить»². За убийство матерью незаконнорожденного ребенка наказание усиливалось, о чем свидетельствует ст. 26: «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама или иной кто по ее вельню погубит, а сыщется про то допряма, и таких незаконных жен, и кто по

ее вельню детей ее погубит, казнить смертью безо всякия пощады, чтоб на то смотря, иные такова незаконного и скверного дела не делали и от блуда унялися»³. Примечательно, что в Соборном уложении законодатель дифференцированно подходит к наказанию за детоубийство: лишение жизни детей, родившихся вне брака, относит к квалифицированному составу преступления; убийство детей незаконнорожденных – к особо квалифицируемому, убийство детей, родившихся в браке, – к простому. Идея законодателя наказывать виновных лиц за совершение ими убийств незаконнорожденных и внебрачных детей сводилась к тому, чтобы семью как ячейку общества строго охранять и от блуда, и от совершения преступления.

Артикул воинский 1715 г. не изменил статьи о детоубийстве Соборного уложения 1649 г., однако внес в них свои дополнения, отнес убийство к тяжкому квалифицированному виду убийства. Так, артикул 163 гласит: «Ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчестве, офицера наглым образом умертвит, оного колесовать, а тело его на колесо положить, а за протчих мечем наказать»⁴. При этом отметим, что квалифицированные и простые составы детоубийств Артикул воинский исключил вообще.

Проект Уложения 1813 г. содержал в гл. 1 части третьей специальное пятое отделение, посвященное детоубийству «Объ убийстве младенцевъ», и относил это преступление к привилегированному составу преступления (§ 381–386). Закон не приводит оснований отнесения преступлений к при-

¹ Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций. Лекция 15. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/15.htm>.

² Законодательные памятники русского централизованного государства XV–XVII веков. Ленинград : Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1987. Соборное уложение 1649 года. Текст комментария под редакцией В. И. Буганов, М. П. Ирошников, А. Г. Маньков, В. М. Панеях. С. 129.

³ Там же. С. 131.

⁴ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 783.

вилегированным составам, однако подтверждает свое решение, называя в качестве мотивационного комплекса стыд и страх женщин. Для нашего исследования наибольший интерес представляют следующие параграфы: § 381: «Ежели мать, утаивъ беременность свою, родить въ скрытномъ месте и умертвить младенца; то она наказывается лишениемъ свободы и чести»; § 382: «Но если мать не насильственно умертвила рожденного такимъ образомъ младенца, а смерть его была последствиемъ неосторожности или небрежения ея при родахъ, то подвергается лишению свободы или телесному наказанию»; § 383: «Когда доказано будетъ, что таковой младенецъ и родился мертвымъ, то мать за утайку беременности и родовъ подвергается тому же наказанию (§ 382. – Э. Г.), но въ меньшей мере». Из содержания данных параграфов становится понятно, что законодатель предусмотрел наказание за причинение смерти матерью младенцу по неосторожности, а также установил факты утаивания матерью своей беременности.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало уголовную ответственность за убийство мальчика или девочки, родившихся в законном браке, совершенное предумышленно, которое признавалось тяжким преступлением, и убийство матерью внебрачных дочери или сына, за которое наказание смягчалось при условиях, если преступление совершалось при рождении и по мотиву стыда, о чем гласит ст. 1922: «... наказанию подвергается виновный въ убийстве предумышленномъ: жены своей или мужа, сына своего или дочери, родныхъ деда или бабки, внука или внуки и вообще одно-

го изъ родственниковъ восходящей или нисходящей прямой линіи, въ какой бы то ни было степени; или роднаго брата или родной сестры, роднаго дяди или родной тетки и наказывалось лишению всехъ правъ состоянія и ссылке въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока, а буде онъ по закону не изъять отъ наказаній телесныхъ, и наказанію плетми чрезъ палачей съ наложениемъ клеймъ». Следует отметить, что в данной статье предусматриваются три вида случае, когда наказание смягчается: «... убийство незаконнорожденныхъ сына или дочери совершено матерью отъ стыда или страха, при самомъ рожденіи младенца, если однакожь при семъ не будетъ доказано, что она была уже прежде виновна въ томъ же преступленіи. Когдажь детоубийство сего рода было непредумышленное, то виновная въ ономъ женщина, особенно если она незамужняя и разрешилась отъ бремени въ первый разъ, подвергается токмо: лишению всехъ правъ состоянія и ссылке на поселеніе въ отдаленнейшихъ или менее отдаленныхъ местахъ Сибири»¹.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. в гл. 12 «О проступках против прав семейственных» содержит ст. 144, в которой указывается следующее: «За подкинутие или оставление ребенка, однако не в таких местах, где нельзя ожидать, что он будет найден другими, виновные в том родители и вообще лица, обязанные иметь попечение о ребенке, подвергаются: аресту не свыше трех месяцев»².

¹ Российское законодательство X–XX веков. М., 1988. Т. 6: Законодательство первой половины XIX в. С. 174–309.

² Российское законодательство X–XX веков. М., 1991. Т. 8: Судебная реформа. С. 412.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. посвящает детоубийству гл. 5 разд. X, которая получила название «О произвольномъ оставленіи человека въ опасности и неоказаніи помощи погибающему». В частности, в ст. 1513 говорится: «За подкинутіе или оставленіе ребенка, имеющаго менее трехъ летъ отъ рожденія, съ намереніемъ въ такихъ местахъ, где нельзя было ожидать, что онъ будетъ найденъ другими, виновные въ томъ родители и вообще лица, обязанныя иметъ попеченіе о ребенке, подвергаются: лишенію всехъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и отдаче въ исправительныя арестантскія отделенія на время отъ четырехъ до пяти летъ»¹.

Уголовное уложение 1903 г. снова признает детоубийство привилегированным составом преступления, о чем свидетельствует ст. 461: «Мать, виновная въ убійстве прижитаго ею вне брака ребенка при его рожденіи, наказывается заключеніемъ въ исправительномъ доме»². Следует обратить внимание на тот факт, что в данном документе субъектом преступления признается только мать, которая убила своего ребенка при рождении. Кроме того, законодатель называет особое состояние женщины при лишении ею жизни ребенка в качестве смягчающего вину обстоятельства, в связи с чем данное убийство относится к привилегированному составу преступления.

УК РСФСР 1922 г. очень серьезно подошел к вопросу о детоубийстве и в ст. 142 отнес его к квалифициро-

ванному виду убийства по двум пунктам: «Умышленное убийство карается лишением свободы на срок не ниже восьми лет со строгой изоляцией, при условии его совершения...; д) лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом; е) с использованием беспомощного положения убитого»³.

УК РСФСР 1960 г. не давал указания в диспозиции ст. 103 ни о матери, убившей ребенка, ни о самом потерпевшем и назвал данное преступление просто умышленным убийством, тем самым отнеся его к простому виду убийства. Санкция за данное преступное деяние предусматривала лишение свободы на срок до десяти лет⁴.

Действующий УК РФ 1996 г. убийство матерью новорожденного ребенка относит к привилегированному составу преступления. Мы считаем, что в России на законодательном уровне к преступлению, предусмотренному ст. 106 УК РФ, относятся очень толерантно. Полагаем, что такое стало возможным вследствие общей гуманизации общества, а также наличия смягчающих обстоятельств, таких как: особое состояние женщины, вызванное родами; условия психотравмирующей ситуации; состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости. По нашему мнению, ст. 106 УК РФ необходимо отнести к простому виду убийства в связи с тем, что все смягчающие обстоятельства, прописанные в законе, на практике являются фикцией виновных, и их преступные действия совершаются продуманно и

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Спб., 1889. С. 348.

² Новое уголовное уложение, высочайше утв. 22 марта 1903 г. Спб., 1903. С. 148.

³ Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1922.

⁴ Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

хладнокровно. В качестве подтверждения вышесказанного могут выступать многочисленные случаи, когда преступления против новорожденных заранее тщательно планировались матерями, а беременности скрывались.

Таким образом, проанализировав историю отечественного уголовного законодательства о детоубийстве, мы видим, что в конечном результате убийство матерью новорожденного ребенка признано привилегированным составом преступления, но до этого момента оно претерпевало существенные изменения, по непонятным причинам законодатель относил детоубийство то к квалифицируемому составу, то к привилегированному, то

к простому. На наш взгляд, наиболее верными были положения УК РСФСР 1960 г., который относил детоубийство к простому составу преступления. Относить же данное деяние к убийству со смягчающими обстоятельствами просто невозможно, хотя бы по тому факту, что объектом преступления является жизнь беззащитного новорожденного ребенка. Относить данный состав к квалифицируемому виду убийства также нельзя, поскольку данный состав возможен только при наличии такой общественной опасности, как: убийство двух и более лиц; убийство, совершенное общеопасным способом, за которые предусмотрено более строгое наказание.

Библиографический список

1. *Бабичев А. Г.* Историческое становление российского уголовного законодательства об убийстве матерью новорожденного ребенка / А. Г. Бабичев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2015. – № 4(359). – Право. – Вып. 41. – С. 99–105.
2. *Грубова Е. И.* Ретроспективный анализ дореволюционного российского уголовного законодательства об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка / Е. И. Грубова // История государства и права. – 2008. – № 13. – С. 20–22.
3. Законодательство Петра I. – М. : Юрид. лит., 1997. – 880 с.
4. Комментарий к уголовному кодексу РСФСР 1960 года : по сост. уголовного законодательства на 1 июля 1962 года ; Ленинградский государственный университет имени Жданова А.А. – Ленинград : Ленинградский университет, 1962. – 459 с.

References

1. *Babichev A. G.* The Historical Development of the Russian Criminal Law on the Killing of a Newborn Child by the Mother. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. No. 4(359). Law. Release 41. P. 99–105.
2. *Grubova E. I.* A Retrospective Analysis of Prerevolutionary Russian Criminal Law on Responsibility for the Murder of a Newborn Child by the Mother. Istoriya Gosudarstva i Prava. 2008. No. 13. P. 20–22.
3. Legislation of Peter I. M., YUridicheskaya literatura, 1997. 880 p.
4. The Commentary to the Criminal Code of the RSFSR of 1960: on Sost. Of the Criminal Law on July 1, 1962. Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni Zhdanova A.A. Leningrad, Leningradskij universitet, 1962. 459 p.

Пикина Татьяна Владимировна

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется правовое положение личности в сфере уголовных правоотношений и предпринята попытка выработки концепции уголовно-правового статуса личности.

Ключевые слова: правовой статус, уголовные правоотношения, субъект уголовно-правового статуса.

Pikina Tatyana V.

SOME ASPECTS CRIMINAL LEGAL STATUS OF THE INDIVIDUAL

Abstract. The article investigates legal status of the individual in the sphere of criminal legal relations and attempt to develop a criminal legal status of the individual.

Key words: legal status, criminal matter, the subject of criminal legal status.

Одним из направлений современной юридической науки представляется вопрос, связанный с разрешением проблем определения правового статуса личности в процессе применения или исполнения уголовных наказаний. Дело в том, что права и обязанности человека и гражданина определяют его социальную роль в обществе, отводят личности конкретное место в системе социальной иерархии. Именно конституционные права и обязанности составляют правовой статус личности².

Правовой статус личности как регламентированное в научной литературе понятие позиционируется Е. Р. Абызовой в качестве «охраняемой законом границы свободного и ответственного, допускаемого и одобряемого поведения»³. Н. И. Матузов под

правовым статусом понимает правовое положение личности в обществе⁴.

Однако применительно к конкретной личности целесообразнее выделить такие права и обязанности, которые будут выделять ее отношения с обществом и составлять особый вид статуса – отраслевой статус личности.

В сфере действия уголовного права категория правового статуса личности представляется, как пишут А. И. Чучаев и А. А. Крупцов, в трех аспектах: 1) «уголовное право уточняет границы юридических возможностей человека в обществе, конкретизируя сферу правовой свободы личности посредством установления уголовно-правового запрета; 2) уголовный закон, привлекая лицо к уголовной ответственности и назначая ему уголовное наказание, обременяет тем самым данное лицо; 3) действенность и актуальность уголовно-правового законодательства являются одними из важнейших гарантий

© Пикина Т. В., 2017

² Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 81.

³ Абызова Е. Р. Правовой статус сотрудников органов внутренних дел (общетеоретические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 16–17.

⁴ Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 2004. С. 48.

реализации субъектами своих прав и обязанностей¹.

Правовой статус каждой личности имеет свою уголовно-правовую природу. Уголовно-правовой статус есть конкретизированный вид общеправового статуса личности. В связи с этим круг наших интересов определим так: характеристика и определение уголовно-правового статуса личности.

По мнению Г. О. Петровой под уголовно-правовым статусом надо понимать «такое правовое положение, при котором лицо способно от рождения обладать правом на защиту от преступлений и имеет возможность реализовать это право в любой момент, а также способно нести ответственность за совершенное преступление при наличии вменяемости, возраста, по достижении которого лицо обязано отвечать за совершенное преступление, и других обстоятельств, указанных в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном и иных законах и подзаконных актах².

Анализ данного определения показывает, что автор имеет в виду статус лица, совершившего преступление, а также лица, пострадавшего от уголовно наказуемого деяния. То есть наличествует как минимум два обладателя уголовно-правового статуса.

Однако позиция А. Н. Фоменко, по нашему мнению, является более полной и характеризует все стороны понятия уголовно-правовой статус. В рамках своего научного труда он опре-

делил, что уголовно-правовым статусом обладает личность как субъект уголовных правоотношений. Соответственно, к таким лицам, по мнению данного автора, относятся: 1) лица, совершившие умышленное преступление; 2) лица, совершившие иные уголовно значимые деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость, преступления, совершенные по неосторожности); 3) потерпевшие от преступлений; 4) государственные должностные лица, возбуждающие уголовное дело и ведущие уголовное судопроизводство³.

Кроме вышеуказанных лиц, мы можем назвать еще одного субъекта данных правоотношений, по нашему мнению, входящего в перечень лиц, обладающих уголовно-правовым статусом, – лица, на плечи которых возлагается обязанность исполнения приговора суда.

В данном случае мы можем столкнуться с проблемой определенных субъектов статуса – должностных лиц, возбуждающих и ведущих производство по уголовному делу. Доказательством данного вывода будет тот факт, что указанные лица обладают скорее уголовно-процессуальным статусом, а не уголовно-правовым. На всех стадиях уголовного судопроизводства должностные лица имеют набор процессуальных прав и обязанностей, составляющих их уголовно-процессуальный статус.

В связи с вышеизложенным в структуру обладателей отраслевого уголовно-правового статуса предлагаем внести существенные корректировки:

¹ Чучаев А. И., Крупцов А. А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: понятие и характеристика : монография. М., 2010. С. 3.

² Петрова Г. О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования // Правоведение. 2007. № 6. С. 34.

³ Фоменко А. Н. Теоретические аспекты определения уголовно-правового статуса потерпевшего // Бизнес в законе. 2013. № 1. С. 44.

1) лица, совершившие умышленные преступления;

2) лица, совершившие иные уголовно значимые деяния;

3) потерпевшие от преступлений;

4) лица, исполняющие приговор, – должностные лица, вступающие в уголовно-правовые и уголовно-исполнительные правоотношения с осужденными и иными лицами, тем или иным образом задействованные в процессе отбывания наказания.

Последняя категория обладает уголовно-правовым статусом в силу норм ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) и ст/ 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, в которых обозначены цели деятельности вышеуказанных лиц – предупреждение совершения преступлений гражданами, профилактика их столкновения с запретами уголовного закона.

Помимо этого, надо принимать во внимание то, что исправительные учреждения хоть и называются «государством в государстве» и обладают своей спецификой (закрытостью и изолированностью), но даже там лицами, уже осужденными к лишению свободы, вновь совершаются преступления – так называемые пенитенциарные преступления. И в силу диспозиции ст. 321 УК РФ сотрудники администрации исправительных учреждений нередко выступают потерпевшими от пенитенциарных преступлений, поэтому мы и выделяем их в специфическую, отдельную категорию субъектов уголовно-правового статуса.

Таким образом, поиск и оптимизация возможных определений правового статуса позволили нам сделать вывод о том что носителями уголовно-

правового статуса могут быть различные субъекты – участники уголовных правоотношений.

Для того чтобы понять, что включает в себя данный институт, мы рассмотрим основные его элементы в общем трактовании, не определяя уголовно-правовой статус конкретного субъекта.

Элементами уголовно-правового статуса, на наш взгляд, являются следующие категории: 1) права и обязанности личности (образуют содержание статуса); 2) правосубъектность; 3) уголовно-правовые нормы (включая принципы уголовного законодательства).

Уголовно-правовой статус с точки зрения его структуры и разновидности уголовно-правовых отношений отличает субъекта наличием большого спектра различных прав и обязанностей. Общим правом всех субъектов статуса, которых мы выделили ранее, является право на защиту от преступлений и возможность реализовать его в любой момент. Среди обязанностей мы можем выделить общую – нести ответственность за совершенное преступление при наличии вменяемости и возраста уголовной ответственности, а также других обстоятельств, указанных в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законах. Другими словами, наличие у субъекта еще и правосубъектности.

Такая категория субъектов, как должностные лица, реализующие приговор суда (сотрудники уголовно-исполнительной системы), имеют своей обязанностью профилактическую работу с гражданами в целях предупреждения совершения ими преступлений. Вступая с обществом в уголовные правоотношения, сотрудники осуществляют эту обязанность, ука-

зывая на наличие уголовно-правового запрета на совершение общественно опасных деяний, под угрозой наказания.

Законодательную базу объекта изучения составляют нормы уголовного закона, основанные на положениях Конституции Российской Федерации, а также общепризнанных принципах международного законодательства.

Принципами уголовного законодательства как основополагающими для уголовно-правового статуса являются принципы законности, равенства перед законом, справедливости и др. Проследим влияние принципов на статус. Например, принцип справедливости для лица, совершившего преступление, заключается в том, что наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления (ст. 6 УК РФ). Для потерпевшего данный принцип трактуется как восстановление социальной справедливости – виновный должен быть наказан за причиненный потерпевшему вред. Принцип равенства заключается в том, что лица, совершившие преступления, подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, социального положения и т. д., а в отношении потерпевшего – право пользоваться защитой государства должно быть у всех граждан без исключения и предпочтения.

Установлению уголовно-правового статуса в уголовных правоотношениях способствует закрепление его видов. На основе анализа вышеизложенного

материала мы можем выделить два вида исследуемого отраслевого статуса – общий и специальный. Обладателями общего статуса выступают все лица, которые перечисляются в уголовном законодательстве – субъекты преступлений (как общие, так и специальные), а также лица, перечисленные в уголовно-процессуальном законодательстве, – потерпевшие от преступлений. Специальным субъектом, с нашей точки зрения, выступает персонал уголовно-исполнительной системы, прямо или косвенно вступающий в уголовные правоотношения (прямо, когда являются субъектом пенитенциарных преступлений, косвенно – во время осуществления профилактики преступлений).

Таким образом, мы видим наличие зависимости статуса от отношений: как уголовные правоотношения формируют статус, так и уголовно-правовой статус позволяет лицам участвовать в уголовных правоотношениях. Следует отметить, что уголовно-правовой статус следует отличать от других правовых статусов личности как на межотраслевом уровне, так и на внутриотраслевом в силу указанных нами его особенностей. Обладатели этого вида статуса, вступая в уголовные правоотношения, имеют при себе комплекс прав и обязанностей, урегулированных уголовным законодательством, а также несут полную юридическую ответственность за совершение тех или иных действий, как и субъекты иных отраслевых статусов.

Библиографический список:

1. Матузов Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 294 с.
2. Петрова О. Г. Уголовно-правовой статус и его виды / О. Г. Петрова // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия «Право». – 2003. – № 1(6). – С. 216–227.
3. Фоменко А. Н. Теоретические аспекты определения уголовно-правового статуса потерпевшего / А. Н. Фоменко // Бизнес в законе. – 2013. – № 1. – С. 43–46.
4. Чучаев А. И. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: понятие и характеристика : монография / А. И. Чучаев, А. А. Крупцов. – М. : Проспект, 2010. – 184 с.

References

1. Matuzov N. I. The legal system and identity. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo Universiteta, 1987. 294 p.
2. Petrova G. O. Criminal-legal status and its types. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Seriya «Pravo»*. 2003. No. 1. P. 216–227.
3. Fomenko A. N. Теоретические аспекты определения уголовно-правового статуса потерпевшего. *Biznes v Zakone*. 2013. No. 1. P. 43–46.
4. Chuchaev A. T., Krupczov A. A. Criminal legal status of a foreign citizen: the concept and characteristics. М., Prospekt, 2010. 184 p.

Шумов Пётр Владимирович

ИНСТИТУТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Автор анализирует позиции ученых в рамках определения понятия «злоупотребление правом»; выявляет признаки правового явления и различия между злоупотреблением процессуальных прав и злоупотреблением властью.

Ключевые слова: арбитражный процесс, институт, злоупотребление, институт злоупотребления правом.

Shumov Pyotr V.

THE INSTITUTION OF ABUSE OF RIGHT IN CIVIL AND ARBITRATION PROCESS

Abstract. The author analyses positions of scientists within the definition of the definition of «abuse of right». There are signs legal phenomena and the differences between abuse of rights and abuse of power.

Key words: arbitration, the institution, abuse, abuse of the right institute.

Сегодня в цивилистической науке нет единого подхода к пониманию сущности института злоупотребления правом. Единообразие правоприменительной практики также отсутствует. В связи с этим возникает ряд вопросов о возможности использования данного института в процессуальных отраслях, о соотношении форм и видов злоупотребления и др. Предлагаем рассмотреть некоторые из них, предварительно определив, что следует понимать под злоупотреблением правом.

Современная правовая доктрина относительно данного понятия в большинстве своем основывается на советских концепциях. Согласно первому подходу злоупотреблять правом, т. е. причинять с его помощью вред другим лицам, нельзя. Данную позицию среди отечественных цивилистов впервые

высказал М. М. Агарков². По его мнению, осуществление правом не может быть противозаконным, и действия, которые подразумевают под данным термином, ничто иное как деликт, совершенный за рамками права, установленными законом. Осуществляя право, субъект гражданских правоотношений всегда действует правомерно, следовательно, противоправных осуществлений быть не может. При этом само употребление словосочетания «злоупотребление правом» допустимо, однако необходимо понимать условность данного понятия. Среди современных сторонников данной теории можно отметить В. А. Белова, который утверждает, что нельзя злоупотребить тем, что тебе дано как право³.

² Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Изв. АН СССР. Отд-ние экономики и права. 1946. № 6. С. 424–436.

³ Белов В. А. Гражданское право. Общая и особенная части. М., 2003. С. 363.

Согласно второму подходу злоупотребление правом разделяется на правомерное и неправомерное. Так, А. А. Малиновский заявляет: «Если причинение вреда общественным отношениям противоправно и наказуемо, то перед нами противоправное злоупотребление правом. Если нет – правомерное»¹. По нашему мнению, это довольно спорная точка зрения. Злоупотребление правом не может быть правомерным постольку, поскольку прямо запрещено законодателем. При этом не каждое действие, наносящее вред, является злоупотреблением. Данное понятие необходимо отличать от простого осуществления своих субъективных прав, приносящих своего рода неудобства другим участникам правоотношений.

Наиболее точной, с нашей точки зрения, является концепция, впервые сформулированная В. П. Грибановым, согласно которой злоупотребление правом – это особый, специфичный тип гражданского правонарушения². Действительно, в каждом злоупотреблении, по сути, можно выделить все признаки (кроме противоправности) и элементы состава гражданского правонарушения. Злоупотребление всегда виновное, приносящее вред деяние, обладающее причинно-следственной связью с вредным последствием. Специфичность же проявляется во внешней правомерности действий, а также в санкциях, которые в большинстве своем сводятся только к отказу в защите судом субъективного права. Особенности можно выделить и в эле-

ментах состава правонарушения: субъектом злоупотребления правом может быть лишь уполномоченное таким правом лицо; злоупотребления осуществляются только с умышленной формой вины; объективно осуществляется только в форме действия.

Мы не утверждаем, что данная концепция является единственно верной, у нее, безусловно, есть слабые стороны. Однако она наиболее приемлема для практического применения института злоупотребления правом, так как дает правоприменителю критерии для разграничения правомерного осуществления прав и злоупотребления ими. Критериями служат признаки состава правонарушения, а точнее, их наличие.

Одной из основных является дискуссия о моменте возникновения возможности злоупотребить правом, которая по своей сути сводится к вопросу о возможности злоупотребить процессуальным правом путем предъявления искового заявления. В этой связи довольно интересную позицию высказал В. С. Анохин, председатель арбитражного суда Воронежской области. По его мнению, «процессуальными правами обладают только лица, участвующие в деле. Статус такого лица возникает после принятия искового заявления и возбуждения производства по делу (ст. 127 АПК РФ), и лишь с этого момента можно злоупотреблять процессуальными правами. Следовательно, подача заявления (искового) или жалобы, которыми возбуждается дело в суде, а равно включение в них каких-либо положений не могут признаваться злоупотреблением правом»³. На наш

¹ Малиновский А. А. Злоупотребление правом (основные концепции). М., 2000. С. 12.

² Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стер. М., 2011.

³ Анохин В. С. Злоупотребление процессуальными правами. URL: <http://voronej.arbitr.ru/about/stati/html>.

взгляд, в данном утверждении понятие «процессуальные права» тождественно понятию «процессуальные правоотношения», начало возникновения которых действительно можно обозначить как период подачи искового заявления, хотя и этот момент является неоднозначным. Однако необходимо понимать, что право на обращение с исковым заявлением, которое является процессуальным по своей сути, возникает с момента обретения субъектом своей правоспособности и, соответственно, распространения на него положений ст. 46 Конституции Российской Федерации о гарантиях на судебную защиту его прав.

Однако остается открытым вопрос о понятии и формах злоупотребления в процессуальных правоотношениях и о его соотношении с злоупотреблением субъективным правом, а также полномочием.

В этой связи предлагаем следующее определение злоупотребления правом в процессуальных правоотношениях, которое, на наш взгляд, наиболее точно отражает признаки данного правового явления: это внешне легальное умышленное осуществление субъектом процессуальных правоотношений своих прав (полномочий) вопреки их социальному назначению, с использованием недозволенных средств и приемов, наносящее вред частным либо публичным интересам.

Институт злоупотребления правом, по нашему мнению, является сложным правовым образованием, состоящим из самостоятельных, но взаимосвязанных между собой субинститутов – видов злоупотреблений. При этом обращаем внимание на тот факт, что процессуальные права являются вто-

ричными по отношению к материальным и направлены на надделение последних средствами (процедурами) защиты. А субъективное право – это обеспеченная законом возможность физического или юридического лица реализовать свое право путем совершения определенных действий или требования определенного поведения от других лиц. Следовательно, реализация процессуальных прав во всех случаях неотделима от реализации субъективных. В этой связи представляется верным отказаться от выделения злоупотреблений процессуальными правами в отдельный вид и считать их формой злоупотреблений субъективным правом.

При этом некоторые злоупотребления можно отнести к нескольким видам. Например, заключение договора купли-продажи руководителем предприятия имущества по заниженной цене с целью избежать более высокого налога на дарение недвижимого имущества содержит в себе как злоупотребление полномочиями, так и свободой договора.

В заключение отметим, что в законодательстве зарубежных стран принцип запрета злоупотребления правом является общеправовым. Отечественному законодателю неоднократно делались предложения по внесению данного принципа как в соответствующие кодексы (гражданский процессуальный, арбитражный процессуальный, налоговый), так и в Конституцию Российской Федерации. Юридическая литература и судебная практика наполнены примерами несовершенства отдельных институтов и процедур, предоставляющих возможность обойти закон либо зло-

употребить правом. К сожалению, деяться на формирование и использо- практически все вышеперечисленное вание четкого механизма пресечения было проигнорировано. Остается на- злоупотреблений правом судами.

Библиографический список

1. *Агарков М. М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / М. М. Агарков // Изв. АН СССР. Отд-ние экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 424–436.
2. *Анохин В. С.* Злоупотребление процессуальными правами / В. С. Анохин. – Режим доступа: URL: <http://voronej.arbitr.ru/about/stati/.html>.
3. *Белов В. А.* Гражданское право. Общая и особенная части : учебник / В. А. Белов. – М. : ЮрИнфоР, 2003. – 960 с.
4. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – 2-е изд. стер. – М. : Статут, 2011. – 411 с.
5. *Малиновский А. А.* Злоупотребление правом (основные концепции) / А. А. Малиновский. – М. : [б. и.], 2012. – 100 с.

References:

1. *Agarkov M. M.* The Problem of Abuse of Rights in Soviet Civil Law. Izvestiya AN SSSR. Department of economics and law. 1946. No. 6.
2. *Anokhin V. S.* Abuse of Procedural Rights. URL: <http://voronej.arbitr.ru/about/stati/.html>.
3. *Belov V. A.* Civil Law: General and Special Part. M., YurInfoR, 2003. 960 p.
4. *Gribanov V. P.* Implementation and Protection of Civil Rights. 2nd ed., ster. M., Statut, 2011. 411 p.
5. *Malinovskij A. A.* Abuse of Right (Basic Concepts). M., S.N., 2000. 100 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Галиев Эльдар Нариманович

аспирант юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ, судебный при-
став межрайонного отдела судебных при-
ставов г. Владимира УФССП
по Владимирской области
e-mail: galiev_eldar@bk.ru

Гачава Мария Леонтьевна

доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: mdobrunina@mail.ru

Головинская Ирина Викторовна

профессор кафедры уголовно-право-
вых дисциплин юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
доктор юридических наук, доцент,
E-mail: irgolovinskaya@yandex.ru

Головкин Роман Борисович

профессор кафедры теории и истории
государства и права Владимирского го-
сударственного университета имени Алек-
сандра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
доктор юридических наук, профессор
E-mail: golovkinrombor@mail.ru

Гриненко Александр Викторович

профессор кафедры уголовного права, уго-
ловного процесса и криминалистики Мо-
сковского государственного института
Международных отношений
(университета) МИД России,
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
доктор юридических наук, профессор
E-mail: avgrinenko2@mail.ru

Гущин Сергей Владимирович

аспирант Юридического института
Владимирского государственного универ-
ситета им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: guschin-s.v@inbox.ru

Galiev El'dar N.,

Post-graduate Student of Law Institute named
after M. M. Speransky
of the VISU, Bailiff of the Interdistrict
Department of Bailiffs of Vladimir

Gachava Maria L.

Assistant Professor of Criminal
Law Studies Department of Law Institute
named after M. M. Speransky
of VISU
PhD (Law), Associate Professor

Golovinskaya Irina V.

Professor of Criminal
Law Studies Department Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU
Doctor of Law, Assistant Professor

Golovkin Roman B.

Professor of Theory and History of State
and Law Department of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU
Doctor of Law, Professor

Grinenko Aleksandr V.

Professor of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics
Department of the Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
Professor of Criminal Law Department
of Law Institute named
after M. M. Speransky of the VISU
Doctor of Law, Professor

Gushhin Sergej V.

Post-graduate Student
of after M. M. Speransky of the VISU

Дядькин Олег Николаевич

заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: krimvvggu@mail.ru

Зайцев Олег Александрович

проректор по научной работе
Московской академии экономики и права
доктор юридических наук, профессор
заслуженный деятель науки
Российской Федерации
E-mail: oleg@mael.ru

Звонов Андрей Викторович

докторант факультета подготовки научно-
педагогических кадров
Академии права и управления
ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: zvonov_av@mail.ru

Колданов Максим Анатольевич

начальник отдела вневедомственной охра-
ны по Суздальскому району –
филиала Управления вневедомственной
охраны УМВД России
по Владимирской области
E-mail: maxkoldanov@mail.ru

Ларина Ольга Григорьевна

заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Юго-Западного
государственного университета
доктор юридических наук, профессор
E-mail: larinahelene83@gmail.com

Ларина Елена Анатольевна

старший преподаватель кафедры
административного и трудового права
Юго-Западного государственного
университета
E-mail: larinahelene83@gmail.com

Макаренко Дмитрий Григорьевич

аспирант 1 курса Юридического институ-
та им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: d.g.makarenko@gmail.com

Малышкин Александр Викторович

председатель Владимирского областного
суда, заведующий кафедры судебной
деятельности Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: obsud.wld@sudrf.ru

Dyad'kin Oleg N.

Head of Criminal Law Studies Department
of Law Institute named
after M. M. Speransky of VISU
PhD (Law), Associate Professor

Zajcev Oleg A.

Vice-rector on Scientific Work
of Moscow Academy of Economics
and Law Doctor of Law, Professor
Hanover Scientist of Russian Federation

Zvonov Andrej V.

Doctoral Candidate of Research
and Teaching Staff Training Faculty
of Academy of Law and Management
FPS of Russia
PhD (Law)

Koldanov Maxim A.

Head of Department of Private Security
at the Suzdal Area – Branch of Department
of Private Security of Department
of the MIA of Russia
for Vladimir Region

Larina Ol'ga G.

Head of Theory and History of State
and Law Department
of Southwest State University
Doctor of Law, Professor

Larina E. A.

Senior Lecture of Administrative
and Labor Law Department
of Southwest State University

Makarenko Dmitrij G.

post-graduate student
of 1 Course of Law Institute
named after M. M. Speransky VISU

Maly'shkin Aleksandr V.

Chairman of the Vladimir Regional Court,
Head of Judicial Activity Department
of Law Institute named
after M. M. Speransky of VISU
PhD (Law), Associate Professor

Неряхин Артём Игоревич
аспирант Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
e-mail: neryakhinartem@gmail.com

Петрин Иван Владимирович
проректор по социальным вопросам
и воспитательной работе Московского
автомобильно-дорожного
государственного технического
университета
E-mail: ivpetrin@yandex.ru

Пикина Татьяна Владимировна
преподаватель кафедры управления и
административно-правовых дисциплин
Владимирского юридического института
Федеральной службы
исполнения наказаний
E-mail: Vipikin@mail.ru

Погодина Ирина Владимировна
заведующий кафедрой финансового
права и таможенной деятельности
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: irinarogodina@mail.ru

Сморчков Алексей Иванович
доцент кафедры уголовно-правовые
дисциплины Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук
E-mail: consiven2013@yandex.ru

Шумов Пётр Владимирович
доцент кафедры
гражданского права и процесса
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук
E-mail: pshumov@gmail.com

Шумова Кристина Александровна
доцент кафедры гражданского права
и процесса Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук
E-mail: kristinashumov@yandex.ru

Neryakhin Artem Igorevich
graduate student, law institute,
Vladimir state University named
after Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs
Petrin Ivan V.
Vice-rector on Social Affairs
and Educational Work of the Moscow
Automobile and Road Construction
State Technical University

Pikina Tatyana V.
Lecturer of Management
and Administrative Law Studies
Department of Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service

Pogodina Irina V.
Head of Financial Law
and Customs Activities Department
of Law Institute named
after M. M. Speransky of VISU
PhD (Law), Associate Professor

Smorchkov Alexei I.
Assistant Professor of Criminal Law Stud-
ies Department of Law Institute named after
M. M. Speransky of the VISU
PhD (law)

Shumov Pyotr V.
Assistant Professor
of Civil Law and Procedure
Department of Law Institute named
after M. M. Speransky of VISU
PhD (Law)

Shumova Kristina A.
Professor of Civil Law
and Procedure Department of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU
PhD (Law)